

Ю. А. МЫЦЫК

УКРАИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ
XVII ВЕКА

ДНЕПРОПЕТРОВСК

1978

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени 300-летия
ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Ю. А. МЫЦЫК

УКРАИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ XVII ВЕКА

Учебное пособие

ДНЕПРОПЕТРОВСК
1978

В настоящем пособии рассматриваются украинские летописи XVII в.— ценные исторические источники и памятники историографии, как уже введенные в научный оборот, так и открытые автором. При этом характеризуется история происхождения памятников, выявляются их источники, отмечаются наиболее важные оригинальные известия. Прослеживаются исторические взгляды летописцев, показано зарождение и развитие в исторических произведениях новых черт, характерных для отечественной историографии второй половины XVI — начала XVIII в. — переходного периода от летописания к исторической науке в собственном смысле этого слова. Рассматриваются взаимоотношения между различными летописями, отмечается влияние ряда исторических произведений XVII в. на историографию более позднего времени.

Пособие предназначено научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам исторических и филологических факультетов.

Под редакцией доцента кафедры источниковедения и историографии Днепропетровского государственного университета Н. П. Ковальского.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Днепропетровского государственного университета.

ВВЕДЕНИЕ

XVII в. был периодом важных сдвигов в экономической, социально-политической и культурной жизни Украины. До середины XVII в. большинство украинских земель, белорусских и частично русских, находилось (с 1569 г.) под властью магнатско-шляхетской Речи Посполитой. В этот период трудящиеся массы Украины испытывают, по мере развития барщинно-фольварочной системы, все возрастающий социальный гнет польско-литовских и украинских феодалов. Положение трудящихся усугублялось и вследствие резко усилившегося национального и религиозного угнетения Речи Посполитой. Особенно обостряются антагонистические противоречия, усиливается антифеодалная классовая и освободительная борьба народных масс после насильственного введения религиозной унии 1596 г., которая стала новым средством порабощения украинского и белорусского народов, идеологически оправдывала агрессию против Русского государства.

Гнет Речи Посполитой, усугубляемый агрессивной политикой султанской Турции и Крымского ханства, стал «сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины». Находясь под угрозой уничтожения, украинский народ вел постоянную борьбу против чужеземных захватчиков, за воссоединение с Русским государством, которое «с самого начала своего существования... явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей»². С 90-х гг. XVI в. начинается полоса мощных крестьянско-казацких восстаний, которые завершаются Освободительной войной украинского народа 1648—1654 гг., вследствие чего стал возможен акт воссоединения Украины с Россией. Хотя внешняя политика царского правительства носила, как и ранее, классовый характер и защищала интересы правящих клас-

сов, воссоединение Украины с Россией «имело огромное прогрессивное значение... Воссоединившись с Россией в рамках единого государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией»³. Вследствие Освободительной войны, основной движущей силой которой явилось крестьянство, был не только уничтожен гнет Речи Посполитой, но и ослаблена в целом феодально-крепостническая система на большей части украинских земель. В то же время следует отметить, что господствующий класс в лице украинской шляхты, казацкой старшины, высшего и среднего православного духовенства пытался использовать результаты народно-освободительной войны в своих целях и уже в 50-е гг. XVII в. стремился полностью занять место польских феодалов и возобновить в прежних размерах эксплуатацию крестьянства, рядового казачества, городской бедноты.

Во второй половине XVII в. наряду с укреплением феодально-крепостнической системы на Украине продолжают развиваться товарно-денежные отношения, растут города, в недрах феодальной формации возникают и крепнут элементы новых буржуазных отношений, т. е. фактически имеют место те же процессы, которые происходят и в Российском государстве. Как раз в это время «примерно с 17 в.», по определению В. И. Ленина, начинается «новый период русской истории», который знаменовал собой политическое и экономическое единство страны. Говоря о сущности этого «нового периода», В. И. Ленин писал, что он характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁴. Украина все более включалась во всероссийский рынок, что оказало благотворное влияние на развитие экономики и культуры обеих стран. Увеличение обмена между областями было необходимым условием укрепления политических связей между Украиной и Россией, русским и украинским народами «столь близких, — по классическому определению В. И. Ленина, — и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»⁵.

Дальнейшее развитие получают на Украине культура и просвещение. Как известно, для периода феодализма характерно то положение, при котором «наука была смиренной служанкой церкви...»⁶. Не случайно многие представители украинской культуры того времени были духовными лицами, что, однако, не должно приводить к игнорированию или умалению их вклада в области культуры. В XVII в. «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности», следствие «того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»⁷, начинает ослабевать. Церковь все более утрачивает монополию в области культуры и просвещения, происходит их секуляризация.

Важные сдвиги в области социально-экономической и культурной жизни, характерные для «нового периода», непрекращающаяся борьба против гнета Речи Посполитой, татаро-турецких агрессоров, резко обострившаяся классовая борьба оказали огромное влияние на формирование идеологии, общественно-политической мысли украинского народа, дали мощный толчок развитию исторических знаний в стране. Представители различных классов и социальных слоев, не только духовенство и шляхта, но и представители казачьей старшины, рядового казачества, мещане, как и в России, в годы так называемого «Смутного времени», брались за перо, чтобы запечатлеть для потомства историю недавнего прошлого, зафиксировать события, участниками которых они были, определить свое отношение к ним. Своеобразие многих памятников исторической мысли немало способствовали относительная независимость хронистов от действий правительства, слабость традиций официального летописания на Украине.

Не случайно в украинском летописании XVII и особенно XVIII вв. большинство памятников освещает историю крестьянско-казачьих восстаний конца XVI—первой половины XVII в., историю Освободительной войны 1648—1654 гг. и события последующих лет. Экскурсы в прошлое чаще всего преследовали цель отыскать корни происхождения казачества. Все это, кстати, и дало основание историкам неверно определить данную группу летописей как «казачьи».

Что особенно важно, появляются и сравнительно краткие исторические произведения, в которых содержится обобщенное изложение истории своей родины с древнейших времен до современных авторов событий. Эти произведения

предназначались уже не только представителям феодальной верхушки, что было типично для средних веков, но и широким читательским массам. Появление памятников такого рода, что, кстати, характерно и для других славянских стран, также было следствием зарождения элементов новых, капиталистических отношений, роста национального самосознания русского и украинского народов. Так, если в России были созданы: летопись анонимного историографа царя Федора Алексеевича; «О начале славенороссийского народа» (1699 г.) Тимофея Каменевича-Рвовского; «История» дьяка Федора Грибоедова; на Украине—Густынская летопись, «Кройника» (1672—1673 гг.) Феодосия Софоновича, «Синописис» (1674 г.), «Хронограф» (1681 г.), «Обширный Синописис Руский» (1681—1682 гг.) Пантелеймона Кохановского, то в Болгарии появилась «История славеноболгарская» (1762 г.) Паисия Хилендарского, в Сербии — «Родословие сербское» (1791 г.) Иосифа Трionoшского; «История» (конец XVIII в.) Йована Раича и т. д.

Одно только появление такого рода обобщающих произведений свидетельствует о начале нового этапа в развитии историографии, характеризующегося переходом от летописания и накопления исторических знаний к исторической науке в современном понимании этого слова. Для каждой страны, в соответствии с особенностями ее экономического, социально-политического и культурного развития, начало этого периода приходится на различное время: от XVI в. (Польша) до XVIII в. (Сербия, Болгария). В России он длился около двух веков, начиная со второй половины XVI в. до начала XVIII в.⁸ Примерно такими же, по нашему мнению, являются границы этого периода и для украинской историографии.

Вяжняя «нового периода русской истории» проявились не только в этом. И в русской, и в украинской историографиях в это время появляется ряд новых черт, которые отличают их от сочинений, типичных для средневековья. Расширяется тематика исторических произведений, привлекаются новые источники, усиливается критическая обработка материалов, погодная форма его изложения постепенно вытесняется более пространном литературно-историческим повествованием, которое наряду с религиозными тенденциями содержит уже элементы научного подхода к осмысливанию исторических событий, усиливается тяга к освещению последних в прагматическом духе и т. д. Как и в России, на Украине получают значительное распространение компиляции из отечествен-

ных летописей и западноевропейских работ, в первую очередь, польских хроник Мартина и Иоахима (отца и сына) Бельских, Марцина Кромера, Мацея Меховского, Мацея Стрыйковского, Александра Гваньини и др. Важной чертой, характеризующей исторические произведения этого периода, является единство темы в отличие от старых летописных произведений, стремившихся дать свод событий за большой отрезок времени с соблюдением хронологической последовательности⁹.

Появление целого ряда новых летописей на Украине не следует рассматривать как анахронизм. Ведь приемы исторического исследования в историографии XVII—XVIII вв., особенно со второй половины XVII в. не были такими же, как в историографии предшествующего периода. Традиционный термин «летописец» или «хронист» на самом деле не вполне подходит для обозначения представителей исторической мысли XVII—XVIII вв. Хотя их еще нельзя назвать историками в современном понимании этого слова, летописцами или хронистами их можно назвать лучше условно, т. к. по сравнению с анналистами средневековья они сделали значительный шаг вперед.

Значение летописей как чрезвычайно важного вида нарративных источников общеизвестно. Содержащееся в них огромное количество фактов представляет собой ценность не только для древнего периода истории, но даже для XVII—XVIII вв., когда «начинает внятно говорить канцелярия»¹⁰ и вследствие этого до нашего времени дошел многочисленный актовый материал. Без привлечения летописных данных невозможно установить тот «фундамент из точных и бесспорных фактов», о котором писал В. И. Ленин; как неогъемлемой части марксистского исследования общественного явления любой эпохи. «Чтобы это был действительно фундамент, — отмечал В. И. Ленин, — необходимо брать не отдельные факты, а **всю совокупность** относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, **без единого** исключения...»¹¹.

Значение летописей как исторического источника заключается не только в сообщаемых ими фактах, но и в фиксации отношения летописца к источникам, отражаемой ими исторической действительности, сохранении «так называемой исторической традиции»¹². Не случайно академик М. Н. Тихомиров отмечал, что «проблема издания и изучения русских летописей» имеет «громадный интерес для истории мировой культуры»¹³. Не случайно советские ученые большое внимание уделяют развитию с позиций марксист-

ско-ленинской методологии лучших традиций отечественного летописеведения¹⁴.

Тем не менее, далеко не все области отечественного летописеведения в равной степени охвачены изучением. Так, значительные пробелы имеются и в области исследования украинских летописей, до сих пор в советской историографии отсутствуют синтетические работы, посвященные украинскому летописанию XVI—XVIII вв. А между тем следует учесть одно весьма важное обстоятельство, характерное для состояния источниковой базы истории Украины периода феодализма, а также исторической мысли этого периода. Мы имеем в виду массовую гибель источников в середине XVII — начале XVIII в.¹⁵, вызванную в первую очередь непрекращавшимися войнами, происходившими на территории Украины, набегами турок и татар, распрями между различными группировками казацкой старшины, а также стихийными бедствиями. Серьезно пострадали архивохранилища Украины и в годы гражданской войны, а также от рук немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны¹⁶.

При таких условиях значение летописей XVII в. как исторического источника повышается, хотя они и дошли до нашего времени в незначительном количестве. Именно поэтому приходится анализировать не комплексы памятников украинского летописания, а их уцелевшие звенья. Однако и они дают возможность судить о характере украинского летописания, путях его развития, выделить общее и особенное с историографией соседних народов, в особенности русской, польской.

Значение украинских летописей XVI—XVIII вв. как исторических источников было понято еще дворянскими учеными первой половины XIX в. Начало изучению летописей было положено трудами О. М. Бодянского, М. А. Максимовича, Н. Белозерского, а затем О. И. Левицкого, В. С. Иконникова, С. Т. Голубева и др. Однако прочных, непрерывных традиций в изучении украинских летописей не сложилось. В советское время изучение летописей было продолжено Т. Сушицким, Д. И. Багалием и особенно Н. Н. Петровским, который впервые в советской историографии опубликовал фундаментальное, написанное в целом с марксистских позиций, исследование, посвященное летописи Самовидца¹⁷. Ряд вопросов, касающихся украинского летописания был освещен в статьях, помещенных в изданиях Института истории АН УССР.

Новую полосу в изучении украинского летописания в советской историографии открыл труд М. И. Марченко¹⁸. Несмотря на некоторые недостатки, касавшиеся прежде всего вопросов текстологии и анализа источниковой базы летописей, монография М. И. Марченко как бы подводила итог советскому летописеведению Украины. В последнее время целый ряд проблем в этой области был разрешен в исследованиях советских историков УССР и братских республик¹⁹. Следует выделить публикацию текстов и комментариев к ним Львовской летописи, Острожского летописца и особенно летописи Самовидца²⁰.

Эта последняя является единственным, достаточно изученным памятником украинского летописания. Остальные же, включая известнейшие произведения Григория Грабянко и Самийла Величко, еще ждут специального исследования и публикации текста. Не случайно, известный советский историк В. И. Буганов, зам. директора Института истории АН СССР указывал на необходимость «продолжить и расширить работу по изучению некоторых областных центров летописания (южнорусские, западнорусские...»), имея в виду украинские и белорусские летописи²¹.

Огромное значение украинских летописей как исторических источников и памятников историографии и в то же время их крайняя слабоизученность обусловили выбор темы настоящего исследования, в ходе которого предпринята попытка решить следующие основные задачи:

1. Привлечь все известные украинские летописи, выявить новые памятники, определить наиболее близкие к оригиналу списки и редакции, установить историю происхождения памятников. Далее необходимо найти источники летописей и отметить наиболее важные оригинальные известия, определить степень их достоверности.

2. Проследить исторические взгляды, концепции авторов летописных произведений, определить черты, характерные для переходного периода, показать сильные и слабые стороны хронистов, показать вклад каждого из них в отечественную историографию.

3. Установить картину взаимоотношений между памятниками исторической мысли Украины, проследить их влияние на историографию XVIII в., а в некоторых случаях и XIX в.

Методологической основой данного исследования являются труды основоположников марксизма-ленинизма: К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в которых дана характеристика

феодалного способа производства, дан глубокий анализ социальной борьбы в средневековом городе и деревне, роли идеологии, общественных движений, принимавших в средневековые религиозную окраску, вскрывается классовая сущность абсолютизма, характеризуется общественный, экономический строй России и Польши XVI—XVII вв. и др.

В ходе решения вышеуказанных задач автор стремился исходить из выработанных в советском летописедении основных приемов методики изучения летописных памятников. В этом смысле особую пользу принесло знакомство с трудами А. И. Генсерского, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, В. Т. Пашуто, Н. Н. Улащика, В. А. Чамярыцкого и др.²². При анализе украинских летописей необходимо иметь в виду некоторые особенности их изучения. Лишь в редких случаях (при анализе Хмельницкой, Добромильской летописей) исторические взгляды хронистов проявляются, так сказать, в чистом виде. В большинстве же случаев летописи являются компиляциями, концепции хрониста выражены неясно и нечетко из-за недостаточно критического отношения к источникам. Поэтому особое внимание следует уделять «расщеплению» памятника, выявлению всех его источников, оригинальной части. Эта задача облегчается вследствие того, что украинские хронисты весьма часто использовали польские печатные исторические произведения. Таким образом современный исследователь имеет в большинстве случаев возможность использовать источник точно в таком же виде, что и хронисты XVII в. Отметим, что украинские летописцы обычно весьма лаконичны, скупы на оценки, избегают рассуждений и т. д. Поэтому лишь в ходе сверки их трудов с польскими хрониками, установив, что привлекало их в сочинениях Гваньини, Стрыйковского и др., что они опускали, как перерабатывали известия польских авторов, можно получить представление о взглядах того или иного украинского летописца.

Следует также отметить, что рассмотрение украинских летописей XVII в., изолированно друг от друга, а также памятников XVIII в.; игнорирование вопросов происхождения текста; поверхностный анализ источниковой базы памятников, рассмотрение летописей как застывшего, раз и навсегда сформировавшегося целого; недооценка ретроспективного метода, когда исследователь идет от верхних (поздних) к нижним (более ранним) слоям памятника, чреваты большими просчетами. Так, несовершенная методика анализа летописных произведений породила некоторые ошибки Д. И. Мышка при изучении Густынской летописи, и значительно более

сѣрьезные ошибки А. А. Бевзо при анализе Острожского летописца²³. Особо следует остановиться на таком неразработанном вопросе, как классификация украинских летописей.

Не исключая иных вариантов, мы предлагаем классификацию летописей прежде всего как исторических источников. Украинские летописи XVII—XVIII вв., можно разделить на две большие группы: 1) обобщающие произведения; 2) местные летописи. Для произведений первой группы характерен более широкий (хронологически и территориально) охват событий. Эти труды являются, как правило, компиляциями, но при этом черты, характерные для произведений переходного периода, проявляются здесь более отчетливо. Произведения данной группы можно разделить на три подгруппы: 1) произведения, обобщающие события отечественной истории с древнейших времен до современных авторам событий (Густынская летопись, «Кройника» Ф. Софоновича, компиляции П. Кохановского); 2) так называемые «казацкие летописи»* — произведения, обобщающие события истории казачества, в центре внимания которых стоит история народно-освободительной войны 1648-1654 гг. Сюда относится летопись Самовидца. Ее характеристика отсутствует в данной работе не только потому, что этот памятник завершился в начале XVIII в. и является достаточно хорошо изученным, но и потому, что более целесообразно рассматривать его в связи с произведениями такого же рода, созданными в XVIII в. — трудами Г. Грабянко, С. Величко, «Кратким описанием Малороссии» и др.; 3) произведения, обобщающие события всемирной истории. Сюда следует отнести украинский хронограф 2-й редакции, иногда неверно называемый хроникой Леонтия Боболинского.

Группа местных летописей является более пестрой по своему составу. Некоторые из них (Львовская, Черниговская) приближаются по своему характеру к обобщающим произведениям типа «казацких» летописей, большинство же ограничивается фиксацией событий, происходящих главным образом в той местности, где проживал их автор и часто напоминают дневники или мемуары. Некоторые из произве-

* Применение этого определения без кавычек приводит к затушевыванию классовой подоплеки данных произведений, т. к. на одну доску ставятся как представители правящего класса — казацкой старшины, так и рядового казачества.

дений этой группы носят характер «бардзо шуплых реестриков» по меткому выражению С. Величко и почти ничем не отличаются от записей летописного характера, которые часто вносились на поля рукописей, книг²⁴.

Исходя из вышеуказанной классификации данная книга состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе рассматриваются обобщающие произведения, во второй — местные летописи.

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОБОБЩАЮЩЕГО ХАРАКТЕРА

§ 1. Обобщающие произведения по отечественной истории ГУСТЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Эта летопись является первой из известных нам произведений обобщающего характера. Свое название она получила по Густынскому монастырю (недалеко от Прилук на Полтавщине), где был обнаружен один из ее списков, созданный в 1670 г. иеромонахом того же монастыря Михаилом Лосицким. На основе Густынского и двух других (Мгарского и Архивного) списков летопись была опубликована в приложении к Ипатьевскому своду¹. С тех пор она не переиздавалась, хотя часто упоминалась в работах летописцев и была довольно неплохо изучена. В настоящее время готовится новое издание памятника в XXXVIII томе ПСРЛ научным сотрудником Института истории АН СССР А. Н. Казакевичем. Основным источником памятника был «Нестор» — древнерусская летопись, которая, как правильно отмечал В. С. Иконников, была близка к Хлебниковской, хотя некоторые известия ее имели больше общего с Ермолаевской летописью. Кроме того, Иконников указывал на родство некоторых сообщений памятника к Воскресенской, Троицкой летописям. Автор Густынской летописи использовал летопись Великого княжества Литовского (типа летописи Быховца), «Палинодию» З. Копыстенского, «Хронику Сарматии Европейской» (1611 г.) полонизированного итальянца А. Гваньини, «Хронику Польши» (1597 г.) М. и И. Бельских²; «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси» (1582 г.) М. Стрыйковского, труды М. Кромера, итальянца Ц. Барония, Киево-Печерский патерик, многочисленные жития и устные свидетельства.

Густынская летопись является анонимной. Как было установлено еще в XIX в. М. Лосицкий был всего лишь переписчиком, который, правда, снабдил памятник ярким предисловием. А. Ершов, к мнению которого мы присоединяемся, в свое время привел достаточно убедительные доказательства того, что Густынская летопись была создана между 1623—1627 гг., а ее автором был крупнейший писатель-полемист Захария Копыстенский»^{3*}. М. И. Марченко правильно обращал внимание на тот факт, что памятник был создан в разгар острой идеологической борьбы на Украине. Во второй половине XVI в., особенно с 1596 г. резко усиливаются попытки правящих кругов Речи Посполитой поработить украинский и белорусский народы путем колонизации, окатоличивания, насильственного перевода в унию. В ходе сопротивления появились полемические произведения, в первую очередь, «Апокрисис» Х. Филалета, «Палинодия» З. Копыстенского, «Тренос» М. Смотрицкого, послания И. Вышенского⁴. Эти произведения касались главным образом религиозных вопросов, что не должно вызывать удивления. Классики марксизма-ленинизма, разоблачая сущность религии как «опиума народа», «одного из видов духовного гнета», вскрывали причину того обстоятельства, что всякое общественное движение в средневековье принимало религиозную оболочку. «Средние века, — писал Ф. Энгельс, — присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»⁵.

Полемизируя с католическими и униатскими богословами, вскрывая лицемерие и лживость католическо-униатской пропаганды, пороки католических иерархов, епископов-рenegатов, полемисты боролись против духовного порабощения украинского народа, отстаивали его право на независимость. Некоторые из них, в частности, И. Вышенский, даже поднимались до осуждения социальной несправедливости и крити-

* Автор несомненно был духовным лицом. Интерес к истории Киево-Печерской лавры свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в ее стенах создавалась Густынская летопись. Если же учесть, что архимандритом этого монастыря был в 1624—1627 гг. З. Копыстенский, вероятность того, что последний был автором памятника, повышается.

ки «своих» эксплуататоров. В произведениях полемисты часто обращались к героическим страницам прошлого своего народа, что способствовало усилению освободительного движения, вселяло уверенность в победу⁶. Аналогичные цели преследовал и автор Густынской летописи. Это прекрасно понимали современники и писатели иных поколений, о чем свидетельствует знаменитое предисловие к летописи, составленное М. Лосицким.

Густынская летопись охватывает период с древнейших времен до 1598 г. Отметим, что при издании памятника было опущено весьма обширное его начало, в котором подробнее, чем в любом ином произведении украинской историографии XVI—XVIII вв., освещалось происхождение славянских, в первую очередь, восточнославянских народов. Историю славян автор Густынской летописи, как и его современники, особенно польские, стремится максимально удревнить. С этой целью он, отдавая дань библейской традиции, начинает их происхождение со времен мифического вавилонского столпотворения. Поскольку концепция «Мосох-Москва» еще не стала актуальной, автор Густынской летописи склоняется к одному из вариантов «сарматской» теории, которая была популярной в польской историографии XVI—XVII вв. Он производил славян от Рифата, сына Гомера, внука Иафета и первым местом, куда они (славяне) якобы пришли из Вавилона, считал Пафлагонию. Затем в стремлении возвеличить историческое прошлое славян, он излагает обычные для историографии того периода легенды, имевшие важное идеологическое значение. Так, по его мнению, славяне участвовали в Троянской войне, а после падения Трои их часть ушла во главе с Антенором в Италию, где основала Венецию. Другая часть двинулась в Иллирию, а третья прибыла морем в Восточную Европу — «Сармацию»⁷. Далее описывались легендарные подвиги славян в античное время, описание которых во многом родственно «Кройнике» Ф. Софоновича, «Синописису» и др.

Интересно, что автор Густынской летописи стремится дать характеристику природным условиям, географическому положению «Сармации», показать происхождение славян на фоне всемирной истории. Говоря о происхождении многих народов земного шара, он большое внимание уделяет соседям славян и особенно литовцам. Истории Литвы только в начале летописи отводятся две обширные главы: «О Литві», «Енеалогия князей литовских». Это не было случайным, т. к. под властью Великого княжества Литовского многие восточ-

нославянские земли находились на протяжении длительного времени. Что касается дальнейших сюжетов памятника, то они достаточно подробно освещены В. С. Иконниковым, Д. И. Мышко^{7а}.

В основу повествования Густынской летописи была положена древнерусская летопись, некоторые другие отечественные источники. К иностранным источникам Копыстенский обращался относительно редко. Интересно, что за пределами памятника автор оставлял не только подробности, пространные описания хода военных действий, но и обширные тексты религиозного содержания. Когда древнерусская летопись обрывается на 1291 г., Копыстенский начинает опираться главным образом на польские хроники. Изложение здесь становится беглым, все явственнее ощущаются просчеты композиционного характера. Так, события с конца XIII в. по 1597 г. уместились на 25-ти страницах и составляют, таким образом, менее 1/12 объема памятника. Эта часть представляет собой компиляцию из сочинений польских авторов второй половины XVI—начала XVII в. и оригинальных известий здесь не так уж и много. Однако эта часть имеет особый интерес, поскольку авторские оценки важнейших политических событий, происходивших в Европе, становятся более определенными. Следует выделить три развернутых рассказа: «О начале козаков», «О применении нового календаря», «О унии, како почалася в Руской землі». Появление первого из них, основанного на хрониках М. и И. Бельских и Г. Гваньини, не было случайным. В конце XVI—начале XVII в. верхушка украинской православной церкви перестает ориентироваться на украинских феодалов типа князей Острожских, которые быстро полонизовались, переходили в католицизм, и ищет опору в новых социальных слоях, прежде всего в казацкой старшине. Именно поэтому автор Густынской летописи уделяет внимание происхождению казачества, его ранней истории. Другие два рассказа представляют собой по сути небольшие полемические произведения, в которых освещалась история возникновения двух злободневных вопросов общественной жизни того периода: календарная реформа и начало унии. При этом были заклеяны епископы-рenegаты, вскрывалась подоплека календарной реформы. Таким образом, антикатолические, антиуниатские мотивы, ощущающиеся и во многих других местах памятника, были здесь раскрыты наиболее полно.

Автор Густынской летописи внимательно следил за тем, чтобы в сообщениях, заимствованные из польских хроник,

не проникли их реакционные тенденции, например, очернение исторического прошлого восточных славян; стремился воспроизвести оценки событий и исторических деятелей, зафиксированные в южнорусском своде конца XIII в. Ему это в целом удалось, хотя он и не поднялся до уровня критцизма Софоновича. Материалы памятника не пронизаны в такой степени идеями Копыстенского, как материалы «Кройники» идеями Софоновича. Автор Густынской летописи является и более непоследовательным, чем Софонович. Так, он нейтрально относится к Ягайлу, деятельность которого Софонович справедливо расценивает как реакционную по отношению к восточнославянским народам (правда, о Грюнвальде Софонович не упоминает). Автор Густынской летописи вслед за польскими хронистами осуждает Свидригайла, в котором Софонович усматривал борца за ликвидацию неравноправного положения русского, украинского, белорусского населения Великого княжества Литовского или во всяком случае их феодальных верхов.

Более ощутимы узкоклассовые позиции автора Густынской летописи в его оценках целого ряда событий и исторических деятелей. Так, он осуждает Яна Гуса, Мартина Лютера, считает их «еретиками», отрицательно относится к антифеодальному восстанию украинских и молдавских крестьян Галичины, Покутья, Буковины 1490—1492 гг. под предводительством С. Мухи, называет последнего «своевольником» и т. д. Тем не менее, при всех недочетах исторической концепции автора Густынской летописи, последняя не только использовалась при написании ряда произведений («Paterikon» (1635 г.) С. Косова, «Синописис», украинские обработки житий Ольги, Владимира и др.), но и была, наряду с «Палинодией», своеобразной сокровищницей исторической мысли. Патриотизм, антикатолические и антиуниатские взгляды автора Густынской летописи, прогрессивные в этом отношении для своего времени, воспринимались и развивались последующими поколениями украинских хронистов XVII—XVIII вв.

«КРОЙНИКА» ФЕОДОСИЯ СОФОНОВИЧА

Данное произведение является центральным в украинской историографии XVII в. Его автор, Феодосий Софонович (начало XVII в. — 1677 г.) происходил по всей вероятности из зажиточного киевского мещанства. В 30-х гг. XVII в. он учился в Киево-Могилянской коллегии, затем преподавал в ее стенах богословие. В 1653—1655 гг. он был ректором кол-

легии, в 1655—1677 гг.—игуменом Михайловского Золотоверхого монастыря в Киеве. Софонович был автором и редактором нескольких богословских и историко-религиозных произведений, принимал активное участие в развитии русско-украинских культурных связей. Что касается его политической деятельности, то, несмотря на некоторые колебания, непоследовательность, вытекающие из его сословной принадлежности, она в целом носила прогрессивный характер⁸.

Основной труд Софоновича — «Кройника» по сей день остается неопубликованной, а списки и редакции ее частей находятся в различных архивохранилищах СССР и Швеции⁹. До последнего времени это сочинение было крайне слабо изучено¹⁰.

«Кройника» состоит из трех частей: «Кройники о Руси» (1672 г.), «Кройники о початку и назвиску Литвы» (1673 г.), «Кройники о земли Полской» (1673 г.). В «Кройнике о Руси» освещалась история Киевской Руси, главным образом Киевского и Галицко-Волынского княжеств, с древнейших времен до 1292 г., во второй и третьей частях «Кройники» изложение истории Украины велось на фоне истории Литвы и Польши, в состав которых Украина входила на протяжении длительного времени. Описание событий в «Кройнике о початку и назвиску Литвы» заканчивается 1533 г., а в «Кройнике о земли Полской» — 1672 г.

При написании «Кройники» Софонович использовал широкий круг источников: «Нестор» — летопись, представляющая собой редакцию южнорусского свода конца XIII в., близкую к Хлебниковской, но не тождественную ей¹¹, польские хроники М. Стрыйковского, А. Гваньини, М. и И. Бельских, П. Пясецкого, летопись Вел. кн. Литовского (типа летописи Быховца), «Палинодию» З. Копыстенского, «Paterikon» С. Косова, «Четьи-Минеи», житие князя Владимира, фольклорные материалы, свидетельства очевидцев, собственные воспоминания. Кроме того, использовал хронист и несохранившуюся летопись, которую мы условно назвали «Уманской»¹² и, вероятно, гипотетическую летопись, состав которой пытался реконструировать еще О. И. Левицкий¹³.

Использование недошедших до нашего времени письменных источников, а также устной традиции, собственных воспоминаний хрониста обусловило появление в «Кройнике» ряда оригинальных известий, в первую очередь по истории Киевской Руси и Украины XVII в. Создавая «Кройнику», Софонович ставил перед собой патриотическую задачу: дать широким читательским массам краткую историю своей родины.

Об этом он образно заявляет, как и Лосицкий, в «предмові» к труду: «за слушную реч почиталем, абым відал сам и иншим руским с(ы)ном сказал: откол Русь почалася и як панство руское з початку ставши, до сего часу идет. Каждому бовім потребная ест реч о своей отчизні знати и иншим пытающим сказати, бо своего роду незнаючих людей за глупых почитают»¹⁴.

Уже одно это отличает Софоновича от его предшественников — средневековых летописцев, предназначавших свои сочинения узкому кругу привилегированных сословий.

В истории Украины Софонович выделял следующие этапы: Киевское княжество — Галицко-Волынское княжество — украинские земли в составе Вел. кн. Литовского — период освободительной борьбы украинского народа против гнета Речи Посполитой. Затем эти этапы дробились по правлениям князей и королей. Как видим, в основу этой схемы было положено типичное для феодальной историографии представление, согласно которому история народа подменялась политической историей древнерусских и украинских земель, историей княжений и правлений. В то же время последний элемент данной схемы свидетельствует о некотором отходе от традиционных концепций.

В «Кройнике о Руси» полнее, чем в каком-либо ином памятнике украинской историографии XIV—XVIII вв., представлена история Древней Руси — колыбели трех братских народов. Ей Софонович отводил большую (до 60% объема) часть своего труда. Хронист подчеркивал общность происхождения восточнославянских народов, их исторических судеб, осуждал феодальные усобицы, ослаблявшие единство Руси. Преклоняясь перед сильной великокняжеской властью, Софонович особо симпатизирует Владимиру Святославичу, Владимиру Мономаху, Роману Мстиславичу и Данилу Романовичу Галицким. Так, если в летописях главной заслугой Мономаха считалось его «христолюбие», «благоверность», успехи в борьбе с половцами, то Софонович, как и Стрыйковский, на первый план выдвигает успехи князя в борьбе с феодальными распряями¹⁵. Характерно, что интерес хрониста к истории южнорусских княжеств, восприятие им теории «Галич — второй Киев», не помешал ему объективно воспроизвести события из истории Северо-Восточной Руси. По мысли Софоновича, все потомки Владимира Святославича, независимо от того, в какой части Древней Руси находилось бы их княжение, являлись равнодостоинными.

Софонович не замыкается в истории своей родины, а пытается показать ее прошлое в тесной связи с историей соседних народов, в первую очередь, историей Литвы и Польши, как государств под властью которых украинские земли находились на протяжении длительного времени. Об этом ясно свидетельствуют и названия II—III частей «Кройники» и их композиция, и материалы, помещенные в них. Вместе с тем ощущается рост интереса к истории России, которой хронист симпатизирует. Так, Софонович высоко оценивает прогрессивную роль Ивана III, в правление которого было завершено объединение русских земель вокруг Москвы; Ивана IV даже оберегает от тенденциозности Гваньини, описавшего правление этого царя самыми черными красками; Лжедмитрия I он не считает, как некоторые украинские летописцы первой четверти XVII в., законным царем, а всего лишь «здрайцей», т. е. преступником «Гришком Отрелевым» и г. д.

В польской части «Кройники» Софонович уделяет большое внимание крестьянско-казацким восстаниям, конечным звеном которых он считал Освободительную войну, завершившуюся воссоединением Украины с Россией. Весьма важно, что Софонович, хотя и не мог в полной мере осознать значение воссоединения двух братских народов, т. к. его интересовало главным образом укрепление позиций православия, дал в «Кройнике» и особенно в письме к Алексею Михайловичу весьма высокую положительную оценку этому историческому акту¹⁶.

В «Кройнике» отчетливо просматриваются новые черты, характерные для переходного периода. Так, несмотря на то, что он был духовным лицом и проявлял интерес к церковной истории, основное внимание в «Кройнике» уделялось событиям военно-политическим. Побудительные причины исторического процесса Софонович сравнительно редко усматривал в «персте божием», в то время как большое развитие получает тенденция к прагматическому истолкованию событий. Отдавая должное традиционной, привычной для читателя летописной форме повествования. Софонович, как и автор Густынской летописи, начинает отходить от хронологической последовательности изложения. Хотя Софонович многое заимствует в древнерусской летописи и польских хрониках, ему удалось добиться того, чтобы идейное звучание материалов «Кройники» находилось в определенном соответствии с его историческими взглядами. Это было бы невозможным без усилившегося критического отношения к

источникам, особенно иностранным. Тенденциозные известия Софонович либо опускал, либо коренным образом перерабатывал, что, например, проявилось в трактовке деятельности Свидригайла, митрополита Исидора и др.

Софонович продолжает лучшие традиции украинских полемистов, развивает патриотические идеи, высказанные З. Копыстенским в «Палинодии» и Густынской летописи, касающиеся, прежде всего, борьбы с католицизмом и унией. Хронист являлся представителем правящего класса, и его мировоззрение неразрывно связано с идеологией верхушки украинского духовенства. Тем не менее, в отличие от большинства православных иерархов, он уделял особое внимание мощным проявлениям классовой борьбы в конце XVI—XVII вв., в его «Кройнике» впервые обобщалась история Освободительной войны 1648-1654 гг. и событий последующих лет. Софонович **нигде** не осуждает антифеодальную борьбу народных масс в XVI-XVII вв., симпатизирует освободительной борьбе украинского народа против польских и татаро-турецких захватчиков, сочувствует бедствиям народных масс страдающих от ужасов войны. Так, Софонович осуждает ренегата Юрия Хмельницкого, антинародная политика которого привела к реставрации старых порядков на Правобережье: «И хотяй же поляки не толко людем простым, але и козаком чинили мордерства, не дбал о тое Хмельницкий...». Осуждает хронист и П. Суховия, обогатившего «татар полоном и корыстю з людей невинных» в 1668 г. Даже союз Б. Хмельницкого с татарами вызывает неодобрение Софоновича. Рассказывая об угоне мирных жителей крымцами в неволю, хронист горестно восклицает: «Горе, горе тогда было людем! Г/о/сподь б/о/г допустил за гріхи»¹⁷. Перечень подобных примеров можно продолжить.

Таким образом, при всей противоречивости мировоззрения Софоновича историческое прошлое своей родины он оценивал с прогрессивных для своего времени позиций. Характерно, что отношение Софоновича к ряду событий и личностей, современником которых он был, во многом совпадает с отношением к ним широких слоев украинского народа. Добавим, что Софонович осуждал антинародную политику И. Выговского, Ю. Хмельницкого, И. Брюховецкого, П. Суховия, стремившихся к разрыву с Россией, хотя и не упоминал об эксплуататорской внутренней политике этих гетманов.

Достоинства «Кройники» во многом обусловили ее значительную популярность, влияние «Кройники» на «Синописис»,

«Хронограф», «Обширный Синописис Руский» П. Кохановского, Межигорскую, Черниговскую летописи, обнаруженные нами летописные заметки И. Кроковского, летопись Г. Грабянко, «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, а через их посредство на ряд других произведений русской и украинской историографии второй половины XVII—XVIII вв., например, «Краткое описание Малороссии», Лизогубовскую летопись и т. д.

«ЛИТОПИСЕЦ АЛБО КРОЙНИКА О ЗЕМЛИ ПОЛСКОЙ»

Следует отметить, что проявившийся в «Кройнике» интерес к истории братской России усиливается в трудах последователей Ф. Софоновича. Об этом свидетельствует прежде всего обнаруженная нами редакция «Кройники о земли Полской», созданная в 90-х гг. XVII в.¹⁸ В этот период резко падает авторитет и значение Речи Посполитой на международной арене, укрепляются русско-украинские связи, стала очевидной неразрывность союза России и Украины. В силу этого неизвестный редактор резко сокращает известия по истории Польши, оставляя на переднем плане историю Освободительной войны 1648—1656 гг. и событий последующих лет. Он несколько дополнил эту часть труда Софоновича своими записями о событиях 1674—1690 гг., в которых основное внимание уделено совместной борьбе русских и украинских войск против татаро-турецких агрессоров. Наиболее же яркое воплощение указанная тенденция получила в киевских компиляциях 70—80-х гг. XVII в., о которых речь пойдет ниже.

«СИНОПСИС», «ХРОНОГРАФ, ГЛАГОЛЕМЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ РУСКИЙ», «ОБШИРНЫЙ СИНОПСИС РУСКИЙ» ПАНТЕЛЕЙМОНА КОХАНОВСКОГО

Прежде всего необходимо остановиться на «Синописе или кратком собрании от различных летописцев о начале славенороссийского народа», первое издание которого увидело свет в 1674 г. в Киеве. Авторскими следует считать также и 2-е (1678 г.), и 3-е (1680 г.) издания «Синописиса». Второе издание было дополнено рассказом о вступлении на престол Федора Алексеевича и о первом приходе турок под Чигирин в 1677 г., некоторыми деталями. Третье издание было значительно расширено и за счет дополнений (рассказ о втором чигиринском походе 1679 г., «Сказание о Мамаевом побоище» — четвертая редакция произведений такого рода¹⁹, стихотворение типографа И. Армашенко) и рассказов-вставок (о Петре Влостовиче и др.).

Таким образом, текст «Синописа» наиболее полно представлен изданием 1680 г. Его можно условно разбить на три части: 1) основная, где освещается история Киевской Руси; 2) «Сказание...», в котором рассказывается о Куликовской битве; 3) рассказы о чигиринских походах и правлении Федора Алексеевича. Наиболее интересной является первая часть, в которой освещены следующие основные сюжеты: происхождение славян, их расселение в Европе, политическая история Древней Руси, главным образом киевского княжества, захват Батыем Киева и Киево-Печерской лавры, судьба последней после ухода завоевателей. Большое внимание уделяет автор княжению Владимира Святославича, христианизации Руси, княжению Владимира Мономаха, захвату Киева Гедиминоном в 1320 г.

«Синописис» явился первым печатным историческим произведением у восточных славян*, что наряду со злободневностью его содержания, обеспечило ему значительную популярность в XVII—XVIII вв. За 150 лет «Синописис» выдержал около 30 изданий, использовался в качестве учебника истории в России, на Украине, Белоруссии. Его использовали как источник, воспринимали его исторические концепции не только многие отечественные хронисты и историки, но и болгарские (Паисий Хилендарский), сербские (И. Раич). «Синописис» переводили также на латинский, греческий, русский языки.

В силу этого к «Синописису» было постоянно приковано внимание исследователей и упоминания об этом произведении содержатся почти во всех синтетических работах, пособиях по источниковедению, историографии истории СССР и др. К сожалению, далеко не все авторы занимались специальным изучением «Синописиса», в силу чего, наряду с верными положениями, довольно часто встречаются и ошибочные. Если вопрос об исторических взглядах автора «Синописиса» решен советскими историками с исчерпывающей полнотой, то по поводу иных сторон памятника как исторического произведения существуют различные, иногда противоречивые точки зрения. Реальный вклад в решение этих вопросов внесли лишь буржуазный исследователь С. Т. Голубев, советские авторы В. Н. Перетц, С. И. Маслов и особенно С. Л. Пештич²⁰. Так, последний, правильно отверг

* Мы не учитываем здесь печатных трудов, созданных ранее «Синописиса», в которых отразились и исторические сюжеты, например: «Вірші на жалостный погреб... Петра Конашевича — Сагайдачного». (Киев, 1622).

как ложные, ссылки автора «Синописиса» на целый ряд немецких, чешских, венгерских хроник и многие другие источники. Было указано, что в числе источников «Синописиса» на самом деле были: «Нестор», хроники М. Стрыйковского, М. Кромера, А. Гваньини, Густынская летопись в списке, близком к Архивному. В. Н. Перетц отметил, что автор «Синописиса» использовал житие князя Владимира, помещенное С. Ставницким в качестве приложения к печатному труду Софоновича «Выклад...» (Унев, 1670).

Как показало проведенное нами исследование, С. Л. Пештич ошибался, называя в числе источников памятника хроники Я. Длугоша, Ц. Барония. В то же время источниками послужили труд итальянского географа и историка Дж. Ботеро «Le Relationi universali», по всей вероятности в польском переводе («Relatiae powszechnie». Краков, 1611), украинский хронограф 2-й редакции, «Paterikon» С. Косова, Киево-Печерский патерик (Киев, 1661), собственные воспоминания автора, свидетельства очевидцев, монастырские предания. Что касается «Нестора», то под ним следует подразумевать Хлебниковскую летопись или близкую к ней.

Весьма запутанным был вопрос об отношении к «Синописису» «Кройники» Софоновича, который усложнялся из-за того, что последнему приписывали авторство компиляций П. Кохановского. Буржуазный историк-позитивист А. С. Лаппо-Данилевский даже считал «Синописис» «сокращением» труда Софоновича²¹. В свое время нами было установлено, что «Кройника» не была в числе источников 1-го издания «Синописиса», а в текст 2-го перешло лишь одно краткое сообщение. Только в 3-м издании 1680 г. находим несколько рассказов, перенесенных из труда Софоновича, в частности «О свободе или волности славенской»²².

Таким образом, распространенное мнение об использовании автором «Синописиса» целого комплекса недошедших до нашего времени «древних писанных летописцев русских», «древних харатейных летописцев русских», основанное на некритическом восприятии ссылок автора памятника, не подтверждается. «Синописис» является компиляцией из хорошо известных источников и оригинальных известий в нем крайне мало. Если не принимать во внимание рассказов о Чигиринской войне, которая нашла отражение в целом ряде документальных и нарративных источников, то насчитывается всего около 30 известий, большинство которых представляют собой мелкие подробности, расхождения в датировке. Следует выделить лишь данные, касающиеся судьбы Киево-

Печерской лавры во время и после татаро-монгольского нашествия, основанные, вероятно, на монастырских преданиях; отдельные сведения топографического характера и некоторые другие.

В оценке исторических взглядов автора «Синописа» советские исследователи единодушны, отмечая, например, их крайний монархизм, сильные провиденциалистские тенденции. Так, С. Л. Пештич писал, что «центральной темой этого произведения явилась идея самодержавия», М. И. Марченко подчеркивал, что автор памятника «руководствовался типичной для тогдашней не украинской, а русской историографии феодально-крепостнического периода концепцией об извечности самодержавного строя в России, унаследованности монархии Киевской Руси Русью московской. Воссоединение Украины (с Россией. — Ю. М.) автор истолковывает как возвращение ее земель под высокую скипетроносную руку российского монарха»²³. Правда, как отмечал И. П. Еремин, в отличие от московских публицистов XV—XVI вв. права русских царей на «киевское наследство» автор «Синописа» обосновывал не только генеалогическими данными, но и идеей «кровного родства народов «Великой», «Малой» и «Белой» Руси»²⁴. Именно это позволяет считать данную концепцию автора «Синописа» прогрессивной для своего времени. Автор наиболее ярко в украинской историографии XVI—XVIII вв. отразил стремление широких слоев украинского народа к объединению с братским русским народом, которое резко усилилось после воссоединения Украины с Россией. В «Синописе» подчеркивается общность исторических судеб восточнославянских народов, доказывается историческая закономерность воссоединения Украины с Россией, призывает славянские народы, особенно русский и украинский, сплотиться перед лицом татаро-турецкой опасности, отражение которой было одним из важнейших политических вопросов политической жизни Европы 70—80-х гг. XVII в.²⁵

Рядом достоинств отмечены взгляды автора по многим другим вопросам исторического прошлого восточнославянских народов, а также его методика обработки исторических источников. В то же время постоянно ощущается феодальная ограниченность мировоззрения автора «Синописа», что наиболее ярко проявляется в стремлении уклониться от освещения истории крестьянско-казацких восстаний, Освободительной войны, иных проявлений классовой борьбы. Здесь, правда, сказались и некоторые особенности политической борьбы на Украине второй половины XVII в.²⁶. К недостаткам «Си-

нописца» следует отнести и отсутствие стройной композиции, пропуск целых периодов в истории восточных славян, например, XV — середины XVII в. и др.*.

Тем не менее в «Синописе» дано наиболее полное и удачное освещение исторического прошлого Украины в тесной связи с историей России. «Синопис» явился одним из наиболее ярких памятников дружбы русского и украинского народов и сыграл важную роль в ее укреплении.

Кто же был автором «Синописа»? На сегодня определены три более или менее аргументированных точки зрения по этому поводу. Согласно первой, автором памятника был Софонович, согласно второй — Иоанн Армашенко, согласно третьей — видный культурный деятель, философ Иннокентий Гизель, бывший тогда архимандритом Киево-Печерской лавры. Что касается первой точки зрения, то в свое время она была показана ее ошибочность. Отметим также, что исторические концепции «Кройники» и «Синописа» по ряду вопросов настолько резко отличаются друг от друга, что не может быть и речи об авторстве Софоновича. Например, если Софонович был сторонником теории «Галич — второй Киев», уделил истории Галицко-Волынского княжества треть «Кройники о Руси», то автор «Синописа» полагал, что Галич был незаконным наследником Киева, вокняжение в последнем Романа Мстиславича трактует как захват Киева и т. д. Не случайно, событиям Галицко-Волынского княжества он отводил лишь несколько страниц. Если Софонович восхваляет Золотоверхий монастырь, считает его самым древним на Руси, то в «Синописе» находим безудержное возвеличение Киево-Печерской лавры.

Как свидетельствуют накопившиеся в литературе факты²⁷, И. Армашенко был типографом, а И. Гизель в лучшем случае лишь редактором «Синописа». Чтобы решить поставленную проблему необходимо обратиться к малоизвест-

* Следует отметить сходство исторических концепций «Синописа» и Густынской летописи. Так, оба автора интересуются церковной историей, историей Киево-Печерской лавры, являются сторонниками сильной центральной власти, осуждают феодальные усобицы, восхваляют Владимира Святославича, Владимира Мономаха, отрицательно относятся к Ольговичам, Роману Галицкому и т. д. Оба автора относят утрату Киевом значения «матери городов русских» к 1169—1171 гг., наследником киевских государственных традиций считают Владимирское или Московское княжество и др. Отмеченное сходство вызывалось не только одинаковым социальным положением авторов, их стремлением воспроизводить концепции и оценки южнорусского свода конца XIII в., но и непосредственным влиянием Густынской летописи на киевский «Синопис».

ным сочинениям, созданным в стенах лавры почти одновременно с «Синописом». Мы имеем в виду «Хронограф» (1681 г.) и «Обширный Синопис Руский» (1681—1682 гг.) П. Кохановского, оригиналы которых хранятся в ГПБ²⁶. Биографические данные о Кохановском, экономе Киево-Печерской лавры, крайне скудны. Нам удалось обнаружить лишь письмо монахов лавры к царю, в котором они сообщали о смерти Гизеля, последовавшей 18/XI-1683 г.²⁹. Оно написано точно таким же почерком, что и сочинения Кохановского.

Что касается трудов Кохановского, то описание статей, входящих в их состав, было дано еще известными дворянскими археографами К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым³⁰. Отметим, что содержание «Хронографа» не соответствует его названию. Данный памятник состоит из следующих статей: 1) «Хронограф...», представляющий собой не что иное, как Тверской сборник³¹; 2) «Енеалогия турецкая» — фрагмент хроники Гваньини; 3) «Описане, отколь Москва узяла свое назвиско», представляющая собой фрагмент той же хроники; 4—5) «Кройника о земли Полской» и «Кройника о початку и назвиску Литвы», представляющие собой 3-ю и 2-ю части «Кройники» Софоновича. Кохановский отредактировал все эти материалы, несколько дополнил части труда Софоновича, опустив имя последнего, вставил рассказы о Киево-Печерской лавре. «Хронограф» лег в основу «Обширного Синописа Руского», но вместо Тверской летописи Кохановский поместил «Кройнику о Руси» Софоновича, прибавил целый ряд статей из «Синописа», хроники Гваньини, «лист» иерусалимского патриарха Досифея, копию с грамоты Алексея Михайловича, особую редакцию «Сказания о Мамаевом побоище», библейские жития и др.

Следует отметить, что в обработке источников Кохановский является наименее самостоятельным из украинских хронистов XVII в., авторов обобщающих произведений. В отличие от «Кройники» Софоновича, которая является как бы цельным сплавом из различных источников, «Обширный Синопис Руский» представляет собой нечто среднее между сборником историко-религиозных текстов и исторической компиляцией. Это скорее всего объясняется поспешностью, с которой Кохановский создавал свои труды (всего за два года). Как бы там ни было, Кохановский ограничился сведением воедино разнородных материалов и поверхностными их переделками, без творческой переработки каждой статьи.

Анализ разнообразных материалов, составивших эту компиляцию, позволил определить три характерные черты исторической концепции Кохановского:

1. Эконом Киево-Печерской лавры уделял огромное внимание ее истории, а также истории Киева как крупнейшего религиозного центра Восточной Европы. Над Кохановским в большей степени, нежели над Софоновичем, тяготели словесные предрассудки. В силу этого «Обширный Синописис Руский» представляет собой не только историческое повествование, в котором значительно сильнее, чем в «Кройнике» ощущается интерес к церковной истории, но и сочинение рассчитанное на любителя «душеспасительного» чтения. Заметим, что одни жития библейских «отцов» занимают более трети содержания «Обширного Синописиса Руского».

2. В компиляциях Кохановского ярко отразился интерес к истории Северо-Восточной Руси, Российского государства, что было вызвано укреплением единства России и Украины.

3. Наконец, Кохановского привлекала история мусульманского мира, в первую очередь история Турции. Это обстоятельство становится понятным, если вспомнить, что в 70-х гг. XVII в. России и Украине пришлось выдержать новый натиск татаро-турецких агрессоров.

Как видим, эти черты в точности совпадают с теми, которые запечатлены в «Синописисе». Добавим, что «Синописис» и компиляция Кохановского одинаково проникнуты монархизмом. При переносе в свои компиляции частей «Кройники» Кохановский опускал указания на имя их автора. Точно также поступает и автор «Синописиса», не отмечая на полях произведения имя Софоновича, хотя это делалось по отношению к другим источникам. Композиция печерских компиляций имеет серьезные изъяны, ощущается также тяготение их создателей к церковнославянскому языку. Ряд статей «Синописиса» вошел без изменений в компиляции Кохановского. Наконец, называя одну из своих компиляций «Обширным Синописисом Руским» Кохановский видимо хотел подчеркнуть, что она будет продолжением работы, начатой в 70-е гг. XVII в. (издания «Синописиса» 1674, 1678, 1680 гг.), и раскроет на более широком материале те идеи, которые были запечатлены в первом печатном историческом произведении.

Все эти факты, наряду с тем, что эконом Киево-Печерской лавры занимался исторической работой в стенах этого монастыря почти одновременно с созданием «Синописиса»,

дают серьезные основания считать автором последнего И. Кохановского.

ПОВІСТЬ, ВЕДЛУГ НІКОТОРЫХ МУДРЫХ ЛЮДЕЙ, ОТКУЛЬ ПОЧАТОК СВОЙ И НАЗВИСКО ВЗЯЛИ КОЗАКИ

Это небольшое произведение находится в составе «Обширного Синописа Руского» и занимает там листы 232—233 об. Как уже упоминалось в «Кройнике о земли Полской», включенной в состав компиляций Кохановского, большое внимание уделяется крестьянско-казацким восстаниям, Освободительной войне. Однако о происхождении казачества ничего не говорится, и Кохановский, свойственным ему методом, решил восполнить данный пробел. Он взял книгу видного украинского писателя и философа XVII в. Иоанникия Галятковского «Скарбница» (Новгород-Северский, 1676) и перенес в «Обширный Синопис Руский» предисловие к ней, правда, в сокращенном виде. Тот факт, что при сокращении были опущены религиозно-риторические рассуждения, что не было характерно для Кохановского, наводит на мысль, что это сокращение было проведено до него Софоновичем. Пропуск похвалы И. Галятковского тогдашнему гетману Левобережной Украины И. Самойловичу, которого Софонович недолго любил, подтверждает это предположение. Не исключено, что Софонович хотел расширить «Кройнику о земли Полской», продолжить ее, однако смерть помешала ему реализовать свои замыслы. Кохановский мог воспользоваться заготовками Софоновича, как и его «Кройником».

При написании этого небольшого произведения И. Галятковский использовал хорошо ему известные хроники М. Стрыйковского, М. и И. Бельских, А. Гваньини, на что прямо указывают точные ссылки на полях печатного предисловия к «Скарбнице»³². Весьма интересна ссылка И. Галятковского, помещенная напротив известия, в котором описывается казацкий герб: «Кирил Давыдович з Седнева прислал мне до Чернігова кроничку о козаках написанную, в которой герб такой ест написаний». Кирило Давыдович был реально существующим лицом и занимал довольно высокое положение в черниговском полку. В 1661 г. он был отправлен с письмом от черниговского наказного полковника И. Аврамовича к черниговскому полковнику И. Силичу. В 1666 г. за попытку оказать помощь опальному московскому патриарху Никону он был сослан. «Жильцом» Седнева называет

К. Давыдовича Дмитрий Ростовский³³. В «кроничке» же речь вероятно шла о происхождении казачества.

Хотя все факты, приводимые в «Повісти», находятся соответствие в польских хрониках, однако порядок их изложения несколько отличается от сведений А. Гваньини, М. и И. Бельских, М. Стрыйковского и совпадает с некоторыми украинскими летописями XVII—XVIII вв. (См известие под 1534 г.). В ряде украинских летописей, как и в «Повісти», отсутствует упоминание об Александре и Михаиле Вишневецких, Самуиле Зборовском. Считаю возможным высказать догадку о родстве «кронички» с гипотетической летописью О. Левицкого и К. Заклинского, о которой речь шла выше.

«Повість» освещает историю происхождения казачества в соответствии с традициями украинской феодальной историографии, сформировавшимися не без влияния польских хронистов. В «Повісти» в подражание «сарматской» теории происхождения польской шляхты или вообще поляков казаки выводились от «козаров» (хазар. — Ю. М.), якобы «народу руского», идеализировались некоторые из реально существовавших и полупоэтических гетманов. Однако Галятовский в противовес польской шляхетской историографии, которая очерняла или преуменьшала роль казачества в борьбе с татаро-турецкими захватчиками, относится к его освободительной борьбе с горячим сочувствием, подчеркивает значение боевого содружества запорожцев с донскими казаками.

ЛЕТОПИСЬ ЯНА БИНВИЛСКОГО

Летопись была обнаружена нами в 1978 г., когда настоящая работа готовилась к изданию. Поэтому мы вынуждены привести результаты лишь предварительного изучения памятника. Летопись включена в состав сборника, объединяющего две рукописи. В первой, написанной в середине XVII в., помещен украинский хронограф 1-й редакции, во второй, созданной во второй половине XVII в. (не ранее 1657 г.), содержатся краткие статьи: «Описане великого князства Московского с кройники Гвагнинуса, «О панствах Азии»; образцы писем к Алексею Михайловичу, Богдану Хмельницкому и др., которые были скопированы неким Семеном Галуговским; «О Російских князствах и народах их» и, наконец, собственно, летопись Бинвилского (лл. 381—427)³⁴.

Как видно из содержания летописи, покойный отец («небожчик») Я. Бинвилского был в юношеские годы («хлопцем») еще при Сигизмунде-Августе «покоевым» у князя Филона

Кмиты. Сам автор родился в 1600 г., т. е. о киевском пожаре 1608 г. сообщается: «на тот час училием в школе у Киеві у Василя писаря местного, было мне на тот час літ 8». В известии, датированном примерно 1633 г., он отмечает: «тѣе деяло за уряду моего в Миргороде». Ясно, что в данном городе Бинвилский занимал какой-то пост в аппарате городского самоуправления и принадлежал, таким образом, к зажиточному мещанству. В Миргороде Бинвилский пребывал, вероятно, до 1638 г. Наконец, имеется прямое указание на время создания летописи. По Бинвилскому смерть П. Могилы произошла «в рок сей», т. е. в 1647 г.³⁵

Летопись начинается с сообщения об основании Киева и происхождении славян. Далее (лл. 381—403) излагается в основном политическая история Киевской Руси, украинских и белорусских земель в составе Великого княжества Литовского и Польши (до конца XVI в.). Затем все чаще речь идет о событиях польской истории, а на лл. 410 об. — 424 говорится почти исключительно о событиях истории Польши. В конце летописи (лл. 424—427) Бинвилский вновь возвращается к событиям отечественной истории конца XVI — первой половины XVII в. Из-за того, что в летописи уделяется огромное внимание истории Польши, труд Бинвилского имеет много общего не только с обобщающими сочинениями по отечественной истории, но и хронографии.

При создании летописи Бинвилский опирался прежде всего на хронику М. Кромера. Привлекались также сочинения Я. Длугоша, М. и И. Бельских, П. Пясецкого, некие «кройники» и «гистории». Видимо, в их числе была и «кройника славенорусская», входящая в состав 2-й редакции украинского хронографа. Начиная изложение истории Польши, Бинвилский пишет: «короткое описане так ксенжонт, кролов полских яко справ, прицадков и для них діїв кролевства Полского от Леха Першого аж до кроля Владислава 4, щасливе з ласки божой пануючому», что весьма походит на заглавие соответствующего раздела хронографа. Отметим также, что автору была известна загадочная хроника Павла Димитровича, которая была даже якобы напечатана: «през Павла Димитровича з друку на свет подана, а тераз в року (не указано в каком]. — Ю. М.) през Яна Семеновича Бинвилского кротце ест написано³⁶».

Особый интерес вызывает окончание труда Бинвилского, выписанное «с кройники руское» и дополненное на основе собственных воспоминаний автора. Эта «кройника руская»

восходит к той несохранившейся волынской летописи, созданной в 1615—1619 гг., о которой речь пойдет ниже.

Летопись Я. Бинвилского является незавершенной и обрывается на полуслове. Большая часть памятника, особенно лл. 398—427, не доведена до надлежащей кондиции. Здесь отсутствуют даты, хотя Бинвилский оставил для них место, некоторые известия повторяются дважды, вперемешку излагаются события, относящиеся к различным годам и даже столетиям. Словом, автор не сумел довести до конца начатое дело и превратить свод выписок из источников в цельный, систематизированный труд. В то же время эти заготовки весьма интересны, поскольку дают представление о том, как создавались летописи, раскрывают до некоторой степени лабораторию хрониста.

Бинвилский принадлежал к имущим слоям, что проявилось и в восприятии им ряда установок польской шляхетской историографии. Так, Бинвилский, да еще автор Харьковской редакции Острожского летописца, единственные в украинской историографии XVI—XVIII вв. осуждают антифеодальные восстания конца XVI — первой половины XVII в. Говоря о восстании Я. Острянина, Бинвилский отмечает: «Яцко Острянин... кровопролитие тяжкое учинил и до убозства не одного привел»³⁷. Бинвилский апологетизирует внешнюю политику Польско-Литовского государства, преклоняется не только перед Витовтом, но и Ягайлом, Владиславом IV и др. Правда, автор гордится в то же время подвигами древнерусских князей, выступает с антикатолических позиций.

Хотя большая часть известий летописи Бинвилского заимствована последним из хорошо известных на сегодня источников, здесь содержится и легенда, связанная с набегом Монгли-Гирея на Киев в 1482, и ряд важных фактов, относящихся к истории Украины конца XVI—первой половины XVII в.

§ 2. Обобщающие произведения по всемирной истории

УКРАИНСКИЙ ХРОНОГРАФ XVII ВЕКА

Обобщающим произведением особого рода является украинский хронограф. В отличие от вышерассмотренных сочинений в нем давалось освещение прежде всего всемирной истории и лишь в заключительной части речь шла о событиях, происходивших в Древней Руси, Литве и Польше. На фоне двух последних шло освещение истории Украины XIV—XVI вв.

Украинский хронограф (неточно называемый иногда западнорусским, юго-западным, южнорусским) до сих пор изучен явно недостаточно; хотя ему уделялось внимание как дореволюционными историками (А. Н. Попов, М. А. Максимович, В. Науменко), так и советскими (Н. Н. Улащик)³⁸. Прежде всего отметим, что мы имеем в виду лишь одну из двух редакций (в широком смысле этого понятия) украинских хронографов. Ранней или первой редакцией мы условно обозначили тот хронограф, который упоминался исследователями под названием «хронограф Западнорусской редакции». Эта 1-я редакция была создана в XVI в. и поэтому не рассматривается в данной работе. Укажем лишь, что она восходит (по А. А. Шахматову) к древнейшей редакции хронографа 1442 г. Пахомия Логофета (через одну промежуточную редакцию) или же (по О. В. Творогову) непосредственно к русскому хронографу 1512 г.³⁹

Этот памятник лег в основу 2-й редакции украинского хронографа, носящей название «Літописец си ест кройника». В последнем по сравнению с хронографом 1-й редакции была изменена структура, сокращена «Александрия», добавлены сведения по библейской истории, истории древнего Востока и т. д. Что самое главное, к хронографу была присоединена объемистая «Кройника славянорусская о панствах русских, полских и литовских», изложение событий в которой, начиная с древнейших времен, доводилось до 1588 г.

Некоторые фрагменты из этой части хронографа (по списку Л. Боболинского) были опубликованы А. Самчевским в приложении к летописи Г. Грабянко⁴⁰. Советский историк Н. Н. Улащик недавно опубликовал полностью литовскую часть дополнения («Вывод и початок о Великом князстві Литовском и Жмоитском, откуль взмоглися и пошли»). Н. Н. Улащик сделал ряд важных выводов касательно истории происхождения и источников литовской части хронографа⁴¹.

В настоящее время известно более 10 списков и редакций (здесь — в узком смысле этого понятия. — Ю. М.) памятника. В 1972 г. нами был обнаружен новый список хронографа, созданный в правление польского короля Владислава IV (1632—1648 гг.)⁴². Этот список, названный нами Киевским, ясно свидетельствует, что 2-я редакция украинского хронографа сложилась не позднее середины XVII в. и что Л. Боболинский, писавший в 1699 г., был лишь создателем нового предисловия, но никак не автором хронографа. Киевский же список является не только наиболее ранним, но и наиболее

близким к оригиналу. Так, он не имеет позднейших вставок из «Синопсиса», которые вошли в состав списков Л. Боблинского, А. И. Сулакадзева и др.

2-я редакция хронографа могла быть создана и до правления Владислава IV. Так, в числе его источников находим хроники А. Гваньини (1578 г.) и М. Стрыйковского (1582 г.). Труд Гваньини был использован в польском переводе М. Пашковского 1611 г., который пользовался огромной популярностью в Восточной Европе. Следовательно, временем создания 2-й редакции можно считать период с 1611 — по 1632—1648 гг.

Источниковая база 2-й редакции была охарактеризована исследователями следующим образом: Н. Н. Улащик указал на использование в литовской части хронографа рукописного перевода хроники Стрыйковского, народных преданий, свидетельств очевидцев и даже некоторых документов. А. И. Югов указал на использование автором хронографа трудов Гваньини, Кромера и Барония. Некоторые заимствования из Гваньини (рассказы хронографа об Ивоне и Подкове) отмечались Н. П. Ковальским⁴³. Кроме того, были использованы по нашему мнению, и «Нестор» — летопись, близкая к Хлебниковской, «Хроника всего света» М. Бельского, Киево-Печерский патерик, «Четы-Минеи». Особый интерес вызывают ссылки автора Киевского списка на упоминавшийся выше труд «кройникара Павла Демитровича» при описании событий времен польских королей и князей Лешка Черного, Казимира Великого и др.⁴⁴.

Анализ источниковой базы показывает, что заключительная часть хронографа, как и основная, является компиляцией и содержит мало оригинальных известий. Сравнительно большее значение имеет 2-я редакция, как памятник историографии. Если о событиях истории Украины XVII в. читатель мог узнать из обобщающих трудов типа «Кройники» Софоновича или так называемых «казацких летописей», то сведения по всемирной истории он находил в хронографе, который использовал наряду с польскими хрониками. В то же время усиливается стремление дополнить освещение всемирной истории изложением отечественной. Еще в начале XVII в. к 1-й редакции хронисты присоединяли краткую летопись о событиях, происходивших на Украине. Хронограф же 2-й редакции дополнен по образцу хроники Гваньини обширными повествованиями по истории Древней Руси, Литвы и Польши. Это позволяло освещать события отечественной истории на более широком фоне всемирной истории,

нежели в Густынской летописи, «Кройнике» Софоновича. Это облегчало патриотическую задачу автора хронографа, стремившегося показать, что «русский народ (речь идет о Древней Руси. — Ю. М.) ест в діях своих давнійший, к тому и монархия киевская славнійшая, теды теж их ділности тут на пляц выставил, абы кождый відал, чим се той народ зацный бывал»⁴⁶.

Большое внимание уделяется во 2-й редакции вопросу о происхождении славян и прибалтийских народов. Автор стремится показать общие черты в их истории, что способствовало укреплению межславянских и славяно-прибалтийских связей. Особое внимание уделяется автором известной концепции «Мосох—Москва», которая в наиболее полном виде отразится затем в «Синописе». Эта концепция не только возвеличивала славянские народы, но и сыграла важную роль в идеологическом обосновании воссоединения Украины с Россией.

Хронограф, как ни одно иное произведение в украинской историографии XVI—XVIII вв., дает представление о том, как оценивались события всемирной истории в украинской историографии, в частности, антифеодальные движения в период средневековья. См., например, рассказ о Крестьянской войне в Германии, о деятельности Т. Мюнцера.

Автор 2-й редакции отходит от провиденциализма, делает шаг вперед и в отношении приемов использования исторических источников. Он стремится к их максимальной полноте, чтобы «линию ведлуг мозгу, розуму и сили нашої, з доводов историков розных и правдивых положить, абы на фундаменти добре заложеном, снадій и ґрунтовне могло ся будовать и стосовать дій наших руских, полских, литовских, московских и иных народов почасті»⁴⁶. Он не только выпиывает известия из источников, но и пытается критически к ним подойти, осмыслить. Как в дальнейшем С. Величко, автор 2-й редакции стремится показать всю тяжесть выполняемой им задачи, жалуется на нехватку источников, их противоречивость, особенно в хронологии («не толко в наших писаных руских, але и в самых друкованых полских, великая ест незгода»)⁴⁷. Автор приводит параллельные свидетельства источников, отдавая предпочтение отечественным или более ранним, или же показаниям очевидцев, что, как ему казалось, было гарантией большей достоверности.

Эти и иные достоинства хронографа как памятника исторической мысли способствовали его широкой популярности, обусловили его влияние на украинскую историографию

XVII—XVIII вв., в первую очередь, на «Синописис», летописные заметки И. Кроковского, созданные в начале XVIII в., Лизогубовскую летопись, «Реестр князьям черниговским» (1792 г.) А. Левицкого-Роголя и др.

Таким образом, 2-я редакция хронографа, появившаяся в первой половине XVII в., является ярким свидетельством того, что новые веяния, характерные для переходного периода, серьезно затронули и сочинения по всемирной истории.

ГЛАВА II. МЕСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Под этим названием в исторической литературе известна компиляция сложного состава из польских хроник и украинских летописей. Она находится в сборнике исторического содержания¹, созданном между 1700—1707 гг. в киевском Межигорском монастыре. Поскольку его хозяином, а также автором некоторых статей был Илья Кошаковский, «установник» Межигорского (до 1717 г.), а затем Подгородисского монастыря (1717—1720 гг.), он получил название «сборника И. Кошаковского». В состав сборника входит 12 статей, наиболее интересной из которых является 7-я по счету под названием «Летописец второй». Последний состоит из шести кратких летописных фрагментов: 1) отрывки из древнерусской летописи о Киево-Печерском монастыре 1051—1177 гг.; 2) отрывки из летописей, касающиеся Смоленска за 1162—1492 гг.; 3) краткие заметки о событиях в Литве с 1394 по 1572 гг.; 4) краткие заметки о борьбе казаков против Речи Посполитой в 1516—1600 гг. 5) краткая киевовольнская летопись 1393—1611 гг.; 6) более подробная киевская летопись 1612—1620 гг.

Большая часть «Летописца второго» (фрагменты 3—6) была опубликована украинским буржуазно-националистическим историком В. Б. Антоновичем², который произвольно поменял местами известия этих фрагментов, расположил их в хронологическом порядке, часть опустил (под 1603, 1604 гг.) и издал под названием Киевской летописи. При этом им была использована еще одна редакция памятника, находившаяся в сборнике, принадлежавшем прогрессивному буржуазному историку А. М. Лазаревскому. Сборник Лазаревского, который по всей вероятности не сохранился до нашего времени, был написан в 20-е гг. XVII в., не ранее 1621 г., и состоял из двух частей: 1) перевод хроники Стрыйковского;

2) летописный свод, аналогичный «летописцу второму» или седьмой статье сборника Кошачковского.

Интересны приписки и дополнения, сделанные на обоих сборниках их бывшими владельцами и опубликованные В. Б. Антоновичем. Так, сборник Лазаревского был пополнен краткой летописной заметкой о событиях 1648—1699 гг. Более интересно дополнение, составленное в 1620—1621 гг. Его автором было лицо, служившее «при боку» подстаросты черкасского, князя С. М. Лыко. Автор был, по всей вероятности, православным шляхтичем. В 1607—1610 гг. он принимал участие в аванюре «тушинского вора» Лжедмитрия II, находясь в войсках князя Ружинского. По памяти, о чем свидетельствуют ошибки в хронологии, он дополнил сборник рассказом о событиях в Русском государстве в 1607—1610 гг. Кроме того, им был внесен обширный раздел под названием: «Коротко теж опишу, што се діяло за віку мого», где излагаются события 1618—1621 гг. Конец заметок утрачен. Внимание автора привлекают явления природы (комета, землетрясение в Киеве 1620 г.), политические события, касающиеся судеб православной церкви на Украине (миссия патриарха Феофана), а также борьба с тагаро-турецкими захватчиками П. Сагайдачного и С. М. Лыко. Повышенный интерес к Сагайдачному, миссии Феофана не случаен. Автор — представитель православной украинской шляхты—всецело разделял попытки гетмана провести верхушечную реформу, добиться привилегий для украинских феодалов (светских и духовных), казацкой старшины.

При описании этих событий автор опирается не только на воспоминания, но впервые в украинской историографии вводит в летописное повествование тексты документов (письмо Сигизмунда III Феофану от 10/XI-1620 г. и письмо Феофана Сагайдачному от 7/I-1621 г.). Использовал автор и другие источники, о чем свидетельствуют ссылки на «письмо кроничное», «кроники полские, руские». Под последними он имел, по нашему мнению, в виду и «Хронику Польши» М. и И. Бельских. Кстати, при изложении событий в России 1607—1610 гг. автор даже отсылал к «крониче полской, которая в рихлом часе выдана будет»³. Начитанность, осведомленность даже о готовящихся к публикации хрониках говорит о высоком культурном уровне автора. Об этом же свидетельствует панегирик князю Лыко, построенный по образцам поэзии барокко и напоминающий известное стихотворение К. Саковича «На жалостный погреб...». Правда, «роди-

мые пятна» средневековья проявляются в мировоззрении просвещенного шляхтича. Автор глубоко религиозен, даже суеверен, заметно влияние провиденциализма и т. д.

И все же в этих дополнениях неизвестного автора впервые в украинской историографии XVII в. заметны некоторые черты переходного периода. Так, здесь зафиксирован отход от хронологической последовательности изложения, цитируются документы, автор ведет даже диалог с читателем, призывает последнего к изучению истории, хотя и с помощью библии («читай теж письмо светое, найдеш там розумом своим справы, которые заховал господь бог вірним своим»). Кроме того, он уделяет большое внимание стилю повествования, стремится облечь сухой перечень фактов в стройное литературное повествование по правилам ораторского искусства (см., например, первый абзац дополнения: «Коротко теж опишу...», стихотворную «похвалу» князю Лыко и др.).

Охарактеризовав дополнения, содержащиеся в сборнике Лазаревского, перейдем непосредственно к рассмотрению летописного свода, условно названного Киевской летописью. Отметим, что редакции «Летописца второго», содержащиеся в сборниках Кошаковского и Лазаревского совпадают почти полностью. Обе они восходят к летописному своду, составленному в 1620 г. уставником Успенской церкви на Подоле, затем монахом Кириллом Ивановичем. Отметим, что между сводом Кирилла и редакцией памятника, помещенной в сборнике Кошаковского, лежит свод сына киевского войта Яцка Балыки — Богдана (Бозька, Боцка) Балыки, составленный в 1621 г. Именно Б. Балыка списал труд Кирилла и поместил его в составе объемистой исторической компиляции в качестве седьмой по счету статьи. Эта компиляция была пополнена и оригинальными материалами. Б. Балыка перед «летописцем вторым» поместил воспоминания о событиях в России 1612 г. под заглавием: «О Москві и о Дмитрию, царіку московском ложном. Сие писал мещанин киевский, именем Божко Балыка, который сам там был и самовидец был тому»⁴. Это сочинение Балыки представляет собой не только уникальное свидетельство современника и очевидца о важных событиях «смутного времени», но и является первой известной нам в украинской историографии попыткой создания не летописи, а исторической повести. Формирование нового жанра исторических произведений — исторической повести — составляет одну из характерных черт переходного периода. Касаясь «летописца второго», необходимо отметить,

что Балыка внес в его состав известия о восстании С. Наливайка, Цоцорской битве и некоторые другие. К сожалению, следы редакторской работы Б. Балыки незначительны и не дают возможности более или менее четко проследить его исторические воззрения. Во всяком случае отчетливо заметна светская струя, интерес не только к «официальным» войнам, или же интервенции Речи Посполитой против России, но и к крестьянско-казацким восстаниям. Характерно для Балыки иронически-пренебрежительное отношение к польскому королю Сигизмунду III и в то же время восхваление Наливайко, которого называет «славным козаком и ридером». Это, видимо, не было случайным, т. к. в восстании Наливайка значительную роль играло городское население, в первую очередь, городские низы⁵. В то же время определенная часть высших слоев украинского мещанства связывала с восстанием Наливайка освобождение от гнета Речи Посполитой, что нашло свое отражение в характеристике вождя восстания представителем киевского бюргерства.

Перейдем теперь непосредственно к характеристике свода 1620 г., об авторстве которого находим прямое указание. Изложив историю разорения Успенской церкви еще крымским ханом Менгли-Гиреем в 1482 г., Кирилл пишет: «Да не возми ништо сих слов ложю, но віруи, истина бо есть все; аз недостойный во иереох, Кирило Иванович, на тот час будучи мне уставником при той церкви, огледах все очима своими, написах достоверно». Непосредственно перу Кирилла принадлежат заметки, охватывающие 1612–1620 гг. Эта часть выделена в обеих редакциях заголовком: «О церкви Соборной мурованой, иже в Києве стоит на Подолі, як потравлена на старом фундаменті»^{6–7}.

Кирилл подробно рассказывает о восстановлении церкви в 1612–1613 гг., приводит иногда весьма интересные факты. Так, сообщается, что церковь восстанавливал мастер из Италии «Савостиян Брач», т. е. Себастьян Браччи, дочь которого была, кстати, замужем за Б. Балыкой. Весьма интересно приводимое Кириллом сообщение об «археологических» изысканиях на горе Уздыхальнице в Киеве, где была обнаружена «печерка», а в ней надпись на стене «Павел» и горщик «ни щим», а также попытка объяснить эту необычную находку.

Как памятник историографии записи Кирилла интересны следующими моментами:

1. Мы видим, что уже в 20-е гг. XVII в, наряду с усиливающимся тяготением к познанию истории своей родины,

развивается и своеобразный краеведческий интерес. В своих попытках восстановить историю церкви Кирилл обращается к разнообразным источникам. Он опирается и на свои наблюдения, и на какие-то «кройники», откуда почерпнул сведения о набеге на Киев Менгли-Гирея, привлекает и надпись на старом алтаре, датируемую 1493 г. Напомним, что в Успенском соборе, хранились гродские и земские книги, сгоревшие во время захвата Киева Радзивиллом в 1651 г. Учитывая все это, научную, если можно так выразиться подготовленность Кирилла, можно предположить, что именно он был составителем всего свода 1620. Однако проследить происхождение фрагментов, составляющих свод Кирилла — «Летописец второй», труднее. Ясно, что Кирилл не может быть признан их создателем, т. к. в них чувствуется сильная светская струя. Они основаны главным образом на показаниях польских хроник, а также украинских, которые не сохранились до нашего времени, о чем речь пойдет ниже.

2. Круг интересов Кирилла довольно узок, его занимают прежде всего события, касающиеся восстановления церкви. Кирилл разделял провиденциалистские взгляды на историю, описывал «чудеса», что сближает его записи с «житиями», произведениями историко-религиозного характера, наподобие «Тсратургиума» (1638 г.) А. Кальнофойского, «Ключа разумения», «Мессии правдивого» И. Галлятовского, весьма популярных в XVII в. Однако героями повествования Кирилла являются не феодалы, не высшее духовенство, а киевские мещане, низшее и среднее киевское духовенство. Кирилл, видимо, зависел от киевских «воротил» XVII в. (типа Ходык и Балык) и поэтому восхваляет войта Дионисия Балыку, бургомистра Созона Яцковича Балыку, Федора Ходыку. Кстати, связь Кирилла с фамилией Балык не оставляет сомнений в том, каким путем попал свод Кирилла в руки Бозька Балыки.

Таким образом, впервые в украинской историографии зажиточное киевское мещанство, а не феодалы, становятся объектом исторического исследования, что явилось следствием зарождения капиталистических элементов в украинском городе, усиления общественной роли киевского бюргерства.

ОСТРОЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Этот памятник, имеющий в оригинале название «С кройники Бельского речи потребныи выбраны ест», освещает события, происходившие главным образом на Волыни и Га-

личине с 1500 по 1636 г. (в других редакциях с 1500 по 1621 гг. или же с 1494 по 1649 гг.). Данный памятник прочно вошел в научный оборот с 1951 г., когда академик М. Н. Тихомиров обнаружил его и опубликовал под названием «Острожский летописец» одну из его редакций⁸. В дальнейшем эта редакция стала предметом исследования А. А. Бевзо, который опубликовал текст в соответствии с более совершенными правилами публикации украинских источников периода феодализма, сопроводил публикацию обширным комментарием и вступительной статьей⁹. Издание А. А. Бевзо предпринято в целом на должном научном уровне, однако его автор допустил, как говорилось выше (с. 10—11), ряд существенных недостатков. Вне поля зрения А. А. Бевзо оказались даже опубликованные редакции памятника, были допущены и погрешности. Так, рукопись, содержащая Муз. редакцию Острожского летописца, была названа оригиналом, хотя она была создана не ранее 1690 г. и др. Все эти ошибки привели к тому, что история происхождения памятника, его авторства изложены неверно, допущены ошибки и в вопросе об источниках летописи, исторических концепциях, зафиксированных в ней.

Еще в 1915 г. С. Розанов обнаружил редакцию памятника, переписчиком которой был некий «Змитро», и издал под названием: «кройника 1636 года»¹⁰.

Нами обнаружен еще один (Харьковский) список редакции, опубликованной С. Розановым. Он помещен в конце рукописи, содержащей хронограф 1-й редакции, которая была создана между 1622—1649 гг.¹¹ Харьковский список охватывает события 1500—1621 гг. В списке «Змитра», опубликованном С. Розановым, имеется дефект — отсутствует начало летописи, а в сохранившейся части он охватывает события 1537—1621 гг. Поскольку Харьковский список является и более полным и более исправным, редакция представленная этими списками обозначена нами как Харьковская (далее — Х.).

В отделе рукописей ЛБАН УССР наше внимание привлек рукописный сборник, в который были вставлены и печатные издания, составленный между 1628—1649 гг.¹² В этом сборнике содержится краткий летописец. Большая его часть, как нами установлено, была опубликована еще в 1904 г. под названием «Креховской кройники», а в советское время была вкратце охарактеризована И. П. Крипякевичем¹³. Проведенное нами исследование «Креховской кройники» показало, что она является не чем иным как сокращенной редакцией Острожско-

го летописца, близкой к Харьковской. Хотя ценность X. редакции выше, однако некоторые чтения сокращенной лучше сохранили текст оригинала. Сокращенная редакция была создана, видимо, следующим образом.

Неизвестный редактор сделал «для памяти» выписки из хронографа 1-й редакции и прилагавшегося к нему протографа Острожского летописца. В результате образовалось две части. В первой были помещены события от «Сотворения мира» до смерти князя К. Острожского в 1608 г. Большой интерес представляет вторая часть, охватывающая события 1497—1615 гг. (ядро памятника) и 1646—1649 гг. (позднейшие приписки). Отметим, что события здесь поданы без соблюдения хронологической последовательности.

X. редакция является более ранней, чем та, которую опубликовал М. Н. Тихомиров (ее мы условно обозначили как Музейную — Муз.). Она же лучше сохранила текст несохранившегося оригинала. Это видно из более точной передачи известий источника памятника — «Хроники Польши» М. и И. Бельских, опубликованной в 1597 г. Так, в X. редакции под 1527 г. говорится о том, что римский папа дал выкуп Карлу V в 300 000 «корон». Это соответствует Бельским, в то время как Муз. редакция упоминает лишь о 300 «коро-нах»¹⁴.

Отметим ряд отличий Муз., более поздней, редакции от Харьковской. Прежде всего она содержит дополнение, охватывающее события 1622—1636 гг., а также значительные вставки в основной части текста, особенно под 1610—1611, 1616, 1619 гг. Рассказ богословского характера, которым заканчиваются списки X. редакции (под 1621 г.) помещен в конце Муз. под 1636 г. События с 1500 г. до начала XVII в. переданы в Муз. редакции в сокращенном по сравнению с X. редакцией виде, иногда менее исправном. Имеются все основания полагать, что эти изменения были внесены автором Муз. редакции. Иной вариант, по которому X. редакция является сокращенной, невозможен по следующим причинам. Прежде всего памятник, представленный X. редакцией, это цельный рассказ, обобщающий события военно-политического характера, происходившие главным образом на Волыни, хотя уделено внимание и событиям русским, литовским, польским, а также молдавским и турецким. Это обычно весьма лаконичные известия типа: «Тогож року (1577 г.— Ю. М.) кроль Стефан дал Подкову козака ве Лвові стяти». Муз. же редакция распадается на две части: 1) 1500—1621 гг. 2) 1621—1636 гг. Если в первой части, совпадающей в основ-

ном с X. редакцией, изложение носит в целом светский характер, то во второй — речь идет о судьбах православной церкви на Украине. Известия здесь становятся пространными, находим даже несколько обширных самостоятельных рассказов. Наконец, известия, заимствованные из хроники Бельских, ближе стоят к ней в списках X. редакции, чем Музейной. Кроме того, списки X. редакции присоединены к 1-й редакции украинского хронографа, сохранившегося полностью. В сборнике же, в состав которого входит Муз. редакция уцелели лишь три статьи из хронографа: «О взятии фрягами Царьграда 12 апреля 6712 года», «Из книги глаголемые криницы письменная от государств римских князей и «Летописец полский».

Выделив известия, которые являются плодом творчества автора Муз. редакции, можно высказать ряд соображений о его личности и исторических взглядах. Этот неизвестный редактор творил, по всей вероятности, в Остроге. Как очевидец он пишет о событиях, происходивших в этом городе (пожар 1604 г., буря 1614 г., мистические видения в замковой церкви в 1619 г. и 1636 г. и пр.). Вероятно, редактор был одно время монахом монастыря св. Георгия в Любартове или же был близок к его игумену, «дозорце» православных монастырей Любарского повета, Кириллу. Об этом свидетельствует повышенный интерес к Кириллу, рассказы о строительстве последним православных монастырей на Волыни в 1604, 1610—1611 гг. Всего о нем вставлено три известия¹⁵. Известно, что Кирилл поддерживал контакты с целым рядом культурных деятелей Украины первой половины XVII в.¹⁶ В их числе находим Ивана Бережанского, протопopa острожского, а затем киевского, который много сил отдавал борьбе с католическо-униатской экспансией. В 1636 г., когда собственники Острога насильственно вводили унию, он вынужден был покинуть Острог и уйти в Киев, где и умер в 1642 г. С Киевом Бережанский поддерживал связи и ранее. Отметим, что Бережанский восхваляется в дополнениях Муз. редакции, большое место уделяется здесь Киеву. А тот факт, что Муз. редакция обрывается на событиях 1636 г., вместе с вышеприведенными, свидетельствует в пользу того предположения, что создатель Муз. редакции был близок к Бережанскому и покинул Острог вместе с ним.

Неизвестный создатель Муз. редакции с повышенным вниманием относился к православным представителям княжеского рода Острожских, что проявляется даже в мелочах. Например, если в X. редакции читаем: «Александр... Три-

поль облёгал», то автор Муз. редакции дополняет: «Александр,..., син князя Острожского»¹⁷. Особенно ощущается идеализация князя Константина II Острожского. Автор был естественно далек от правильной классовой оценки деятельности этого князя, более того, он даже не пытается осветить какие-либо иные стороны деятельности этого магната, кроме как по укреплению позиций православия. Яркий тому пример — «похвала» автора Муз. редакции К. Острожскому под 1608 г.¹⁸. Автор Муз. редакции был несомненно духовным лицом и придал летописцу религиозную окраску и провиденциалистские тенденции. Если в основной части — общей для обеих редакций, речь идет главным образом о событиях военно-политической истории, а также явлениях природы, стихийных бедствиях, то во второй — характер известий резко меняется. На первый план выходят сообщения по церковной истории, светские сообщения светского характера резко сокращаются. Но в своем дополнении (1621—1636 гг.) автор Муз. редакции выступает как писатель-полемист, явно ощущается его стремление дать бой католицизму и унии. Публицистическое звучание особенно сильно в рассказах о деятельности II. Могилы, выступлении полочан против фанатичного униата, полоцкого архиепископа И. Кунцевича в 1622 г., о «гонительнице православия» княгине Анне — Алоизе Острожской, отступнике от православия М. Смотрицком и особенно о князе Корецком. Политическая направленность вышеуказанных рассказов ясна: возвеличить борьбу украинского народа против экспансии Ватикана, разоблачить католическо-униатские догматы веры, вскрыть лицемерие, жестокость и другие пороки ряда виднейших представителей католическо-униатского лагеря.

Таким образом, автор Муз. редакции, освещая исторические события с позицией правящего класса, не сомневаясь в справедливости существующего строя, идеализируя украинских православных феодалов, стоял в то же время на прогрессивных позициях, выступая против католицизма и унии, сочувствуя делу крестьянско-казацкого восстания 1630 г.

Менее четко обрисовывается личность автора Харьковской редакции, которая составила ядро Музейной. Анализ здесь затрудняется тем, что в лаконичных известиях X. редакции редко дается оценка каким-либо событиям. Отметим, что текст X. редакции четко распадается на 2 части: 1) 1500—1592 гг.; 2) 1597—1621 гг. Если первая основана главным образом на «Хронике Польши» отца и сына Бельских, то при изложении событий 1597—1621 гг. автор опирался на собст-

венные воспоминания, свидетельства очевидцев. С. Розанов полагал, что автор памятника использовал Киевскую летопись¹⁹. Следует уточнить, что имелись в виду 3-й и 4-й фрагменты «летописца второго». На первый взгляд это сходство может быть объяснено тем, что оба черпали в одном источнике — «Хронике Польши» Бельских, выбирая известия по истории Украины. Однако совпадение и порядка известий, тот факт, что авторов привлекают иногда одни и те же малозначащие события, допущение иногда одинаковых ошибок, противоречит данному предположению. К тому же Острожский летописец, особенно в Х. редакции, как и Киевская летопись, содержит и такие совпадающие известия, которые или же вовсе отсутствуют (см. о голоде 1569 г., таинственных письменах и эпидемии 1598 г., польско-молодавской войне 1600 г.) или же переданы в труде Бельских в ином виде²⁰. Таким образом, факт родства между обоими памятниками можно считать установленным. Трудно сказать, какой же из них послужил источником для другого. Скорее всего, здесь имело место использование общего источника, чего мы коснемся ниже.

Рассматривая известия 1597—1621 гг., можно получить некоторые сведения о личности автора и времени составления Харьковской редакции. Ошибки в ряде сообщений (например, под 1592 г.), путаница (о событиях 1605 г. говорится после событий 1606 г., о событиях 1609 г. после событий 1608 г., о происшествиях 1611—1614 гг. речь идет после сообщения, датируемого 1606 г.) свидетельствуют, что работа над летописью начала производиться не ранее 1615 г. Привлекает внимание последнее известие Х. редакции 1621 г., в котором говорится о приезде иерусалимского патриарха Феофана на Украину, и обширный рассказ со ссылками на итальянского хрониста Ц. Барония о расхождении между православными и католическими догматами веры по вопросу об исхождении святого духа. Этот рассказ диссонирует с другими известиями, т. к. смена стиля, богословский сюжет никак не вяжется с предыдущим изложением. В то же время вызывает недоумение, почему автор редакции, лицо несомненно светское, уделяющее большое внимание освещению войн, ничего не говорит о событиях европейского значения, какими были Цоцорская битва 1620 г., Хотинская война 1621 г. Тем более, что автор под 1619 г. упомянул о сборе польским правительством запорожских казаков на борьбу против Турции. Напомним, что основная часть сокращенной редакции Острожского летописца (Креховская ле-

топись) обрывается на событиях 1615 г. Все это, на наш взгляд, следует объяснить тем, что начатая не ранее 1615 г. работа по созданию летописи была прекращена в 1619 г. Известие же под 1621 г. свидетельствует о наличии еще одной промежуточной редакции Острожского летописца, вследствие чего некое духовное лицо дополнило между 1621—1636 гг. памятник известиями о событиях 1621 г. Именно поэтому списки X. редакции не могут быть признаны оригиналами Острожского летописца.

Памятник, в котором отразились события 1500—1619 гг., запечатленный лучше всего в Харьковской редакции, создавался, по всей вероятности, не в Остроге, а в Острополе. Во-первых, Острополь упоминается почти также часто (5 раз), как и Острог (6 раз). Но Острог был резиденцией и родовым гнездом князей Острожских. Частое же упоминание Острополя наводит на мысль о пребывании там автора. Это подтверждается и тем, что известие об основании Острополя неизвестный автор внес самостоятельно (у Бельских этих сведений нет). Более того, желая выделить какое-либо событие, тогдашние книжники писали на полях: «Зри!». Здесь же нарисована рука, указательный палец которой направлен на известие об основании Острополя. Других таких пометок на полях рукописи, содержащей Харьковский список X. редакции, нет. Интерес автора к Острополю позволяет предполагать в нем жителя этого города.

Автор был несомненно светским лицом, по всей вероятности, православным украинским шляхтичем. Его интересовала прежде всего история Волыни, привлекали внимание такие сюжеты, как Ливонская война, русско-польские, русско-литовские отношения, борьба с татаро-турской агрессией, метеорологические наблюдения. Он занес в летопись оригинальные известия об основании Острополя, татарских набегов на Волынь в 1615—1618 гг. и некоторые другие. Интересовали автора, что типично для средневековых хронистов, да и авторов XVII в., всевозможные раритеты, например, данные о рождении чудовища-ребенка с головой льва и т. д., которые он заимствовал у Бельских.

В отличие от автора Муз. редакции создатель Харьковской более последователен в защите интересов своего класса. Это ощущается в известии о восстании С. Наливайко. В деятельности вождя народного восстания автор увидел лишь разорения («в Слуцку и в Могилеві великие шкоды починил»), в защите и одобрении внешней политики Речи Посполитой. Так, например, о бегстве господаря Молдавии и Ва-

лахии Михаила Храброго, который потерпел поражение от войск Я. Замойского в 1600 г., говорится: «яко пес ушол»^{21—22}. Конечно, свою роль сыграло и некритическое отношение автора к свидетельствам польских хронистов. Однако рассказ об авантюре Лжедмитрия в России, который отсутствует у Бельских, выдержан в том же духе. Лжедмитрий считается законным царем России, а говоря о царях Федоре Иоанновиче, В. Шуйском, автор трактует их лишь как «великих князей». Автор таким образом воспринял официальную точку зрения правительства Речи Посполитой, которую оно тогда усиленно пропагандировало. Кстати, ряд западноевропейских хронистов и писателей так же восприняли ее. Например, Лжедмитрия I считали законным царем и Лопе де Вега и Ф. Шиллер.

В то же время автор сочувственно говорит об освободительной войне украинского народа против татаро-турецкой агрессии, что усиливалось неприязнью к мусульманству. См. например: «Селим, «цїсар турский... здох», в то время как в источнике данного сообщения, у Бельских, находим нейтральное «umarł»²³. Именно поэтому автор склонен осудить польское правительство за его репрессии против казачества в тот момент, когда требовалось, по мнению автора, единство в совместной борьбе против татаро-турецкой экспансии. Это ощущается в недовольстве действиями Батория, казнившего по требованию султана Ивана Подкову — активного борца против захватчиков.

Следует отметить, что автор обычно ограничивается лишь фиксацией фактов, избегает анализа событий, поисков причинно-следственной связи между фактами. Учитывая вышеуказанное можно отметить, что автор первоначального ядра Острожского летописца, наиболее полно представленного Харьковской редакцией, уступает как историограф создателю Муз. редакции.

ЛЬВОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Эта летопись («Исписание літом от рождества Христова року... и по нем идуцим») была условно названа Львовской ее открывателем, украинским дворянским археографом Д. Н. Зубрицким, поскольку в большей части известий речь шла о событиях, происходивших во Львове. Летопись входит в состав сборника, составленного в 30—40-х гг. XVII в. Михаилом Гунашевским. Он же скорее всего является и автором Львовской летописи. Ныне этот памятник хранится в Киеве²⁴. Львовская летопись еще в дореволюционное время

была опубликована (полностью или в отрывках) девять раз русскими, украинскими, польскими историками²⁵. На должном археографическом уровне летопись была издана советским историком А. А. Бевзо.

Публикаторам летописи в основном принадлежали краткие заметки о ней²⁶. Лишь в советское время, начиная с 20-х гг. были достаточно внимательно изучены важные вопросы, касающиеся авторства памятника, исторические взгляды М. Гунашевского и др. В целом, можно констатировать, что Львовская летопись достаточно хорошо изучена, хотя вопрос о происхождении ее, а также источниковой базе до сих пор не был прояснен.

М. Гунашевский — автор Львовской летописи был выходцем из украинской мелкой шляхты Брацлавского воеводства. В 1621 г. начинает учебу в Межибоже в школе у «дяка». В дальнейшем получает духовное звание, живет во Львове, Кракове и других городах, был близок к И. Княгинецкому, львовскому епископу А. Желиборскому. В 1638 г. принимал участие в крестьянско-казацком восстании под предводительством Павлюка, затем в Освободительной войне. В 1652 г. был в составе посольства Б. Хмельницкого в Москву, возглавляемого С. Савичем 11/1-1654 г., присягал в Переяславле русскому правительству²⁷. Около 1659 г. возвращается в ряды духовного сословия и последний раз упоминается в 1667—1672 гг. в качестве перемышльского кафедрального пресвитера²⁸. Хотя некоторое время Гунашевский поддерживал антинародную политику И. Выговского, тем не менее его деятельность соответствовала политическому курсу Б. Хмельницкого, направленного на укрепление союза Украины и России, и носила в целом прогрессивный характер.

Следует отметить, что Гунашевский был незаурядной личностью, высокообразованным для своего времени человеком. Он закончил академию Замойских в Кракове, знал польский, латинский языки, глубоко интересовался историей, литературой, богословием, был в курсе вопросов полемической борьбы, осведомлен в медицине, астрономии. Львовскую летопись, как было доказано еще в начале 30-х гг., он составлял в 1646 г., а затем в конце 1649 г. или начале 1650 г. дополнил сведениями о начальном периоде Освободительной войны.

Занимая ряд высоких постов, в частности войскового канцеляриста Б. Хмельницкого, будучи свидетелем многих важных событий, путешествуя по Украине, Польше, Молда-

вии, Гунашевский, несомненно, был хорошо осведомлен о важнейших событиях современности. При написании летописи он опирался прежде всего на свои богатые воспоминания. Так, под 1621 г. находим запись автобиографического характера. Путаница в хронологии при описании событий под 1619—1620, 1626 гг., также свидетельствует об использовании воспоминаний. Слухи «из Волох» послужили источником известия о силаче молдавского господаря²⁹.

Появление в летописи известия о смерти львовского епископа Арсения (1549 г.) следует объяснить использованием информации, полученной при епископской кафедре во Львове. Эта информация, очевидно устная, была недостоверной, поскольку в 1549 г. Арсений Балабан только был избран епископом, а умер в 1565 г.³⁰. Свидетельства очевидцев послужили источником для Гунашевского и при описании ряда других событий конца XVI — первой половины XVII в.

Без особого труда Гунашевский мог достать условия Зборовского мира, которые приводит в летописи, «новини», т. е. реляции или газеты «из Риму», «от Заходу», на основе которых он говорит об итальянских событиях 1637—1638 гг. Обширная повесть о восстании 1630 г. была перенесена из реляции запорожского гетмана (в 1631 г.) Т. Орендаренко, который «рукою власною тії новини посилав знаємим своїм в року 1630». Известие о Брестской унии (под 1592 г.) он внес со ссылкой на «Пересторогу», которая содержалась в этом же рукописном сборнике. Отметим, что Гунашевский мог использовать материалы библиотеки Ставропигийского братства^{31—32}.

Что касается более ранних известий, то А. А. Бевзо, М. И. Марченко, указывали на использование Гунашевским неких «хроник, диариушей, и других документов»³³. И. П. Крипякевич в свое время полагал, что был использован львовский летописный свод конца XVI — первой половины XVII в., из которого Гунашевский сделал выборку³⁴. В дальнейшем Крипякевич, установив связь между Креховской и Львовской летописями, склонялся к мнению, по которому имело место использование общего летописного источника³⁵. Как нами установлено, ряд известий Львовской летописи (св. 20), особенно тех, которые охватывают период с сер. XVI по 1615 г. родственны известиям Острожского летописца, в первую очередь сокращенной редакции последнего (Креховской летописи). Кроме того, ряд известий Львовской летописи близки к сообщениям Киевской (3—5 фрагментам). См. напри-

«1598. По дахах на домах щось писало и падовало на землю, що і люде слыхали, як о землю чим ударив, а по тому скот здихал барзо»

«1598. Повітре неслиханное килко літ на быдло было... Тогож року писмо ся показало на костелах и на школах жидовских и на домах и ни от кого не прочитано».

«Року 1598. Щось было домаы, костелы вежи, церкви попереписовало над домнимание полское Тогож року было здыхало по Подолу и у Руси»³⁶.

Сходство тех частей указанных памятников, а также летописи Яна Бинвилского, в которых речь идет о событиях второй половины XVI—начала XVII в. дает, на наш взгляд, все основания полагать, что в начале XVII в. на Волини, Подолии и Галичине имела хождение краткая летопись, созданная не позже 1615—1619 гг. Она представляла собой свод местных записей, касающихся главным образом Волини. В ней говорилось о войнах, восхождении на престол и смерти польских королей, отмечались землетрясения, пожары, кометы и т. д. Ее автор знал также «Хронику Польши» (1597 г.) М. и И. Бельских.

Если выделить известия, основанные на воспоминаниях Гунашевского, и охватывающие 20—40-е гг. XVII вв.; известия, источником которых послужили свидетельства очевидцев, слухи, «новины», несохранившаяся летопись начала XVII в. и некоторые другие, о чем уже упоминалось, то остается комплекс кратких записей за 1500—1560 гг. В них речь идет почти исключительно о событиях, происходивших в Рогатине и Ярославле. Например: «1560. Мор был у Ярославлі». Гунашевский довольно часто говорит о событиях, происходивших в этих местечках и в 20—40-х гг. XVII в. Это можно объяснить тем, что автор Львовской летописи долго жил в них и писал как очевидец. Интересуясь прошлым данных городков, с которыми его связывало многое, он, по всей вероятности, использовал не дошедшую до нашего времени краткую ярославско-рогатинскую хронику, охватывающую события 1500—1560 гг. Воспоминания и свидетельства старожилов вряд ли могли послужить источником при восстановлении столь отдаленных событий.

То обстоятельство, что Львовская летопись основана, главным образом, на воспоминаниях, несохранившихся источников, обусловило ее особую ценность как исторического источника, проливающего свет на многие события отечественной истории. На страницах летописи приводятся также яркие легенды, например: о диалоге Б. Хмельницкого с Н. Потоцким, поведении и словах Н. Конецпольского, произнесенных после битвы казаков с польскими жолнерами в 1630 г., и др.

Исследователи справедливо дали высокую оценку исторических взглядов Гунашевского; отмечали патриотизм последнего, гордость за славные победы восставших крестьян и казаков над польской шляхтой. М. И. Марченко указывал на демократические настроения Гунашевского, который был «на стороне прогрессивных стремлений своего народа^{37—38}». Характерно, что Гунашевский был единственным из авторов местных летописей XVI—XVIII вв., который сумел тесно связать историю Надднепрянской Украины с историей Украины Западной.

Ненависть к поработителям — польско-литовским магнатам и шляхте — не перерастает у него в неприязнь к польскому народу. Идеалом Гунашевского было единство славянских народов, особенно перед лицом татаро-турецкой агрессии. Глубоким драматизмом насыщен легендарный рассказ Львовской летописи о Конецпольском, который после битвы под Переяславом в 1630 г., увидев множество трупов, заплакал и сказал: «Ото ж унія — лежить русь з поляками!»³⁹. Таким образом, корень зла в разъединении двух славянских народов Гунашевский усматривал во введении унии. Между прочим, этот момент не только подтверждает знакомство великого украинского поэта Т. Г. Шевченко со Львовской летописью, но и свидетельствует об определенном влиянии на него последней. Следует отметить, что в стихотворении «Ще як були ми козаками...» данный мотив развит несравненно глубже, с классовых позиций: «Отак — то ляше, друже, брате, неситіі ксьондзи, магнати, нас порізили, розвели...»

Конечно в концепции Гунашевского имеются и слабые места, даже на фоне тогдашнего состояния исторической мысли. Автор не делал, например, попыток показать социально-экономическое положение украинских земель накануне Освободительной войны хотя бы так, как это сделали Самовидец, В. Коховский. Прагматическое толкование событий иногда сочетается с провиденциалистским. Будучи

представителем правящего класса автор идеализирует митрополита киевского П. Могилу, который добивался привилегий для верхушки украинской шляхты, казацкой старшины, православного духовенства; Владислава IV, который по тактическим соображениям давал иногда последним такие привилегии. Классовые позиции Гунашевского проявляются и в недооценке им деятельности одного из наиболее радикальных руководителей повстанцев — М. Кривоноса, в некритическом восприятии некоторых концепций польской официальной историографии.

Тем не менее Львовская летопись является одним из важнейших нарративных источников XVII в., в которых освещаются события крестьянско-казацких восстаний и Освободительной войны, одним из наиболее ярких и своеобразных памятников историографии; отличается значительными литературными достоинствами.

ХМЕЛЬНИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Этот памятник*, охватывающий события 1636—1650 гг., был обнаружен и опубликован известным буржуазным историком О. И. Левицким⁴⁰. Хотя Хмельницкой летописи касались в своих обобщающих трудах некоторые дореволюционные историки, лишь в советское время она была изучена М. И. Марченко⁴¹.

Отметим, что летопись представляет собой по сути «диариш», т. е. дневник. В него регулярно, на протяжении почти 15-ти лет, заносил свои наблюдения неизвестный автор. Он был несомненно жителем Хмельника, по всей вероятности, выходцем из зажиточных мещан, являлся православным.

Вначале рассказ о событиях, происходивших в этом небольшом подольском городке и его окрестностях, ведется автором неторопливо, его внимание привлекают неурожай, мелкие городские новости (проезд турецкого посла, постой жолнеров и т. д.). Автор довольно благодушно смотрел на окружающую действительность, чему способствовало, вероятно, его достаточно обеспеченное положение. Не испытывая на себе всей тяжести социального гнета, он мог с сожалением отмечать, что покойный хмельницкий староста Л. Жолкевский был «пан добрый», да и сменивший последнего М. Стогнив тоже был «не злый». Кратко, без каких-либо эмоций информирует автор о поражении крестьянско-казацкого антифеодального восстания 1637 г. под Кумейками.

* Памятник занимает лл. 1—4 об. рукописи, содержащей перевод частей хроники Ц. Барония. (ГИМ, ОР, Синод. собр. № 729).

В то же время нельзя не отметить, что создатель Хмельницкой летописи высказывал и недовольство существующими в Речи Посполитой порядками. Так, он возмущается произволом польских солдат, стоявших в Хмельнике, сочувствует бедственному положению простого народа, страдающего от голода. Упомянув о неурожае 1637 г. и дороговизне на хлеб, автор пишет: «Іли люде лист и лободу, зілье розмаитое. Трудно ся убогому человіку поживыти, поки до ногого» (урожая. — Ю. М.)⁴². Говоря о голоде 1638 г., автор отмечает грозные предзнаменования социальных потрясений: «И серпы и косы ковали на оружие, и не дармо земля тряслася: трясли и ляхи козаков». И вот уже «на Украині ріки зафарбовалися от крыві людскои, повны были болота трупу ляцкого, а повны пали трупу козацкого по містах»⁴³.

Автор связывал с крестьянско-казацкими восстаниями, Освободительной войной ликвидацию гнета Речи Посполитой. В 40-е гг. XVII в. по мере усиления гнета, обострения классовых и социальных противоречий, автор переходит в более решительную оппозицию к правящим кругам Речи Посполитой. Говоря о тяжелом положении осажденного шляхетского войска, он с удовлетворением отмечает: «Кони іли не только худые хлопы, але и панове. Будуть памятати туо експедицію в Збараж місти!»⁴⁴.

Однако, когда хмельницкий обыватель был втянут в водоворот Освободительной войны, он оказывается словно выбитым из седла. Он потрясен ужасами войны, со скорбью и гневом пишет о действиях татар, которые, даже будучи союзниками повстанцев, с огнем и мечом проходили по Украине: «многие міста поплюндровали, церкви попустошили, невісты и дівицы псотили, стаці незмірны брала, кони, быдло и овцы, и много трудности людем чинили... Не душечка загинула, не душечка теж и в орду пошла!»⁴⁵. Автор осуждает и «злых» немецких наемников на польской службе, от которых жителям Хмельника было «горше од татар», с горечью пишет об их бесчисленных грабежах, рисует картину запустения Хмельника, типичную для многих городов тогдашней Украины.

Ужасы войны настолько подавили автора, что отчасти заслонили от него смысл народно-освободительной борьбы. Здесь его взгляды сродни воззрениям автора летописи Самовидца — Романа Ракушки-Романовского, представителя казацкой старшины. Последний в своем труде весьма пессимистично оценивает прошлое, итоги событий середины — второй половины XVII в.

Хмельницкая летопись представляет' для нас ценность как яркая, хотя и не лишенная противоречий, картина предыстории и начального этапа Освободительной войны. Автор был современником изображаемых событий, а ведь кроме него, мы знаем лишь Софоновича, Ракушку-Романовского и Гунашевского в качестве современников и историографов Освободительной войны. Памятник написан, как указывал М. И. Марченко, языком, близким к украинской народной речи Правобережья. Как литературное произведение Хмельницкая летопись немногим уступает Львовской. Лаконизм автора не лишает его речь образности, она воспринимается значительно лучше, чем многоречивый, витиеватый, с обилием церковнославянских слов, а иногда написанных почти исключительно на церковнославянском языке, стиль некоторых исторических трудов XVII—XVIII вв. («Синописис», летопись Г. Грабянко). Так, в конце известия о Пилявецкой битве автор Хмельницкой летописи добавляет: «Там были повны ставки и болота трупов лядзких»⁴⁶.

Наконец, в Хмельницкой летописи приводятся оригинальные данные не только локального значения. В первую очередь, необходимо отметить сведения, касающиеся действий повстанческих отрядов М. Кривоноса в Немирове, Полонном, Тульчине. Они уточняют свидетельства летописей Софоновича, Самовидца, Величко и других источников.

ЗАМОСТСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Из того же круга, что и Острожский летописец, вышел и другой памятник исторической мысли, недавно открытый и обстоятельно исследованный видным советским историком Я. Д. Исаевичем. Этот летописец мы условно назвали Замостским, т. к. он, по всей вероятности, создавался в Замостье. Летопись внесена на страницы старопечатной «Аполлеи апологии...» (Киев, 1628) из собрания Перемышльской капитульской библиотеки, хранящейся в варшавской Национальной библиотеке ПНР. «Аполлея» входит в состав конволюта (шифр — XVI 953—956), объединившего еще три весьма редких украинских издания, крупнейших памятников полемической литературы: «Апокрисис» Х. Филалета (Острог, 1598—1599), «Отписна лист... Ипатиа» Клирика острожского (Острог, 1598—1599), послания константинопольского патриарха Иеремии Траноса (Острог, после 1583 г.). Сборник восходит к собранию Скита Манявского, являвшегося в

XVII—XVIII вв.. одним из активных центров сопротивления экспансии католицизма на Украине*.

Страницы «Аполлеи» испещрены записями на украинском, церковнославянском, польском, греческом и латинском языках. Здесь находим речь известного политического деятеля А. Филипповича на вальном сейме в Варшаве в 1643 г., отрывок «о патриарсе» греческого историка конца XVI—начала XVII в. Феодосия Зимитолы и, наконец, собственно летописные заметки, касающиеся в основном событий, происходивших в Замостье, Киеве и других украинских городах. Эти записи были сделаны в 40-х гг. XVII в. (по 1649 г.). Их автором являлся некий Кирило Иванович, которого по мнению Я. Д. Исаевича можно отождествить с типографом, автором предисловия ко львовскому изданию псалтыри 1615 г. Автор был тесно связан с городскими кругами Замостья, в частности, замостскими мещанами были: муж его сестры грек Иосиф Анастасевич, родственник последнего — Давид. Автор был весьма образованным человеком, знал несколько языков, выписывал книги для своей библиотеки из Кракова, имел контакты с рядом крупнейших культурных деятелей Украины (Памвой Берындой, Т. Земкой, П. Могилой, А. Скульским и др.), активно занимался книгопечатанием.

Замостский летописец представляет собой уникальное явление в украинской историографии XVII в. и лишь свод 1620 г. Кирило Иванова, о котором речь шла выше, выявляет некоторое идейное родство с ним. Автор Замостского летописца, представитель «третьего сословия», подобно итальянскому хронисту XV в., купцу Бонаккорсо Питти⁴⁷, берется за перо и спешит запечатлеть для потомков прежде всего не военные походы или факты королевской биографии, а деятельность людей близкого ему круга, в данном случае украинских типографов первой половины XVII в. Хотя сухие и лаконичные записи Кирило дают крайне мало материала для восстановления его исторических взглядов, они содержат зато ценнейшие данные о деятельности украинских книгопечатников — преемников Ивана Федорова. Так, здесь говорится о том, что автор вместе с Лаврентием Куколем-Зизанием редактировал перевод «Библии» с греческого для

* В основу сообщаемых сведений о Замостском летописце легла статья Я. Д. Исаевича «Новые материалы об украинских и белорусских книгопечатниках первой половины XVII в. — В сб.: «Книга. Исследования и материалы», т. 34, М., 1977, с. 149—154.

его опубликования в Киевѣ; что С. Соболев находился в Валахии; сообщается о смерти типографов С. Рогая, Петра Черкасского, острожского печатника Ивана Бережанского, Болтка и др.

Таким образом, Замостский летописец является ценным источником по истории украинской культуры первой половины XVII в.

«НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛМОЖНЫХ КНЯЖАТ КОРЕЦКИХ»

Оригинал этого памятника по всей вероятности не сохранился. Фрагмент его копии был обнаружен нами в составе рукописного сборника второй половины XVII в. историко-религиозного содержания⁴⁸. Несмотря на то, что памятник дошел до нас в дефектном виде (отсутствует конец), его характер достаточно ясен. «На герб» — произведение типичное для феодальной историографии. Сочинения такого рода, были особенно популярны в польской историографии XV—XVIII вв. С. Т. Голубев писал даже о «гербомании» польской шляхты. Герботолкование, наряду с изображением герба, входило как один из существенных элементов в панегирики, эпитафии, иногда в посвянительные «предмовы» магнатам и некоторые другие, преимущественно мелкие произведения⁴⁹.

На Украине среди памятников такого рода наиболее интересными являются посвящения на герб П. Берынды Федору Копыстенскому, униата К. Транквиллиона-Ставровецкого князьям Чарторыйским, анонимные толкования герба П. Могилы и др. С. Т. Голубев опубликовал 17 герботолкований украинским магнатам⁵⁰. Не был обойден вниманием и род князей Корецких.

Известный польский поэт В. Потоцкий привел в своем труде «Poczet herbów», опубликованном в 1696 г., «эпитафиум» Самуилу Корецкому. Не лишен панегирических черт и обнаруженный нами «Поменник» князей Корецких, созданный Виктором Миславским в 1755 г.⁵¹.

Украинская геральдическая литература, в подражание польской, стремилась вывести происхождение феодальных родов если не от Ноя, то по крайней мере от императоров полководцев античного времени.

Хотя окончание этого памятника, где говорится о том, кому сочинение посвящалось, отсутствует, можно установить, что оно было предназначено последнему представителю рода Корецких — Самуилу-Каролю (1621—1651 гг.). Следовательно, «На герб» было создано не позднее 1650 г.,

по всей вероятности, в 40-х гг. XVII в. Род Корецких восходит по неизвестному автору к самому легендарному Палемону, который считался основателем династии великих князей литовских. Непосредственно ветвь Корецких берет якобы свое начало от Бутава-Дмитрия Ольгердовича, внука Гедимины. Известный польский буржуазный историк И. Вольф доказывал, что Корецкие произошли от князя Александра Патрикеевича, внука Наримонта Гедиминовича, но генеалогии XVII—XVIII вв. С. Окольского, П. Несецкого и др., а за ними и некоторые дореволюционные историки утверждали, что предком Корецких являлся именно Бутав-Дмитрий⁵².

Неизвестный автор был неплохо знаком с польской исторической литературой. Так, по свидетельству польских хроник Палемон (Публий Либон) появляется в Литве, опасаясь бегством из Италии то ли от Аттилы (1 вариант), то ли Нерона (2 вариант), то ли Юлия Цезаря (3 вариант). В рассматриваемом произведении запечатлен последний, наиболее редкий вариант легенды. В таком виде он встречается в хронике М. Кромера и повторяется Стрыйковского, но со ссылками на «литовский летописец»⁵³. Таким образом, «На герб» обнаруживает здесь и в некоторых других случаях сходство с хрониками Кромера, Стрыйковского, М. и И. Бельских, Гваньини. Следует отметить, что порядок известий, некоторые подробности не находят иногда аналогий в указанных произведениях. Так, победа над татарским ханом Курдасом приписывается Наримонту и Тройдену, а не Тройнату Наримонтовичу, как скажем у Стрыйковского, «Лавриша» (Ромунта) автор считает одним лицом с Войшелком⁵⁴ и некоторые другие. Это могло быть вызвано не только значительной литературной обработкой свидетельств польских хроник, но и использованием летописи Вел. княжества Литовского, фамильной хроники Корецких или же устных преданий.

Отметим, что неизвестный автор восхваляет великих князей литовских, сравнивает Гедимины с «львом сроким», называет также Ольгерда «славным», Наримонта — «славным и валечным». Прославляются также подвиги предков Корецкого, среди которых выделены Богуш (ум. 1576 г.), Ефим (ум. 1612 г.) и наиболее знаменитый из Корецких — Самуил (ум. 1622 г.), соответственно прадед, дед и отец последнего представителя княжеского рода. Вообще, для произведения «На герб» характерна крайняя идеализация Корецких, представителей крупнейшего украинского феодального рода.

Апологетизируется даже Кароль Корецкий, подавлявший народно-освободительную войну украинского народа, реакционный политический деятель типа печальноизвестного Яремы Вишневецкого — палача украинского народа. Рассматриваемый памятник является типичным образцом творчества придворных историографов, выполнявших социальный заказ своих покровителей, которые требовали исторического обоснования знатности своих родов, доказательств равного положения с польскими и литовскими магнатами.

ЛЕТОПИСНЫЕ ЗАМЕТКИ ПЕТРА МОГИЛЫ

Крупнейший представитель верхушки украинской церкви, киевский митрополит П. Могила (1596—1647 г.) был также видным культурным деятелем. Хотя его культурные интересы лежали главным образом в сфере богословия, схоластической философии, он в то же время уделял определенное внимание и истории. К сожалению, Могила не вел даже «диариуша», а его записи, охватывающие события с 1597 по 1630 г., глубоко разочаровали исследователей, ожидавших увидеть в них яркий памятник эпохи как например дневник Ф. Евлашевского. Заметки П. Могилы оказались «религиозно-нравственными записями»⁵⁵, относящимися преимущественно к Киево-Печерскому монастырю, хозяйственными заметками и лишь весьма в незначительной степени касались истории. Да и здесь лишь в некоторых известиях речь шла о светских событиях: аванюре «Димитра растрити» (1606 г.), Хотинской войне в 1621 г. и др.

П. Могила был представителем церковной верхушки, что нашло отражение и в его заметках. Так, Могила даже не касается положения народных масс, не упоминает о крестьянско-казацких восстаниях и т. д. Однако он выступает с антиуниатских позиций, резко осуждает Брестский церковный собор, календарную реформу, находит доказательства превосходства православия над католицизмом. Это, в условиях, когда народные массы Украины и Белоруссии испытывали все усиливающийся гнет Речи Посполитой, подвергался окатоличиванию и полонизации, имело прогрессивное значение.

Бросается в глаза, что Могила освещал события, происходившие на весьма обширной территории (Польша, Литва, восточнославянские земли, Молдавия и др.). Много повидавший на своем веку, Могила широко использовал свидетельства очевидцев. Так, о нападении татар на Галич в 1593 г., сожжении города ему сообщил галицкий священник Иоанн Потоцкий; о морском походе запорожцев на Турцию

между 1622—1628 гг. его информировал «сам Исаакий Борискович, епископ луцкий», который, как известно, сыграл видную роль в укреплении русско-украинских политических и культурных связей; о смерти Константина Адама Острожского в 1618 г. Могиле сообщил 10/1-1631 г. князь Г. Четвертинский⁵⁶.

Использовал Могила, как и Копыстенский в «Палинодии», Косов в «Paterikone», целый ряд исторических сочинений, в числе которых были хроники В. Кадлубка, Я. Длугоша, Б. Ваповского, М. Меховского, М. Кромера, М. Стрыйковского, сочинения Б. Гербеста, греческого историка Зонары, «Синописис» (1632 г.), а также «кронику рускую», «кронику московскую» и др.⁵⁷

Летописные заметки П. Могилы являются весьма краткими. Однако они сообщают интересные факты, дают некоторое представление о тех исторических идеях, которые П. Могила проповедовал в лаврской школе, а затем Киево-Братской (Могилянской) коллегии. Эти идеи были отчасти восприняты и развиты Ф. Софоновичем, И. Кроковским, Ф. Прокоповичем и другими историками и философами второй половины XVII — начала XVIII вв.

ДОБРОМИЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Оригинал этого небольшого памятника был опубликован еще в 1888 г.^{57—58} Такое название он получил потому, что был создан монахом Добромильского монастыря (данный монастырь располагался в Западной Украине). В летописи находим прямое указание имени ее автора: «Аз иерей Симеон Коростенский, на той час будучи намісник Добромильский при церкви Рождества Пречистой Дівы, на тоиж церкви сукцессором, тое списал, що ся за моего живота діяло в которых літех»⁵⁹. Как видим, автор ставил перед собой весьма скромную цель — записать для себя по памяти наиболее яркие события, современником которых он был. Естественно, что в этой краткой летописи (она содержит 23 известия, охватывающих период с 1648 по 1700 гг.) не смогло скольконибудь полно раскрыться мировоззрение С. Коростенского.

И все же можно высказать некоторые соображения по этому поводу. Автор отдает дань providенциалистским тенденциям, о чем свидетельствуют статьи датируемые 1653 и 1683 гг. Так, по его мнению, бог не допускает захваты Вены турецкими войсками в 1683 г. Неодобрительно Коростенский отзывается о татаро-турецких набегах, несущих смерть и разрушения Галичине, Подолии, Правобережной Украине.

Он, видимо, склонен был осуждать порядки старой Речи Посполитой, анархия и произвол феодалов в которой стали нарицательными, был сторонником сильной самодержавной власти. Об этом говорит иронический отзыв о шляхте под 1699 г. Упомянув о добровольном уходе турок из Каменца-Подольского, он отмечает «а то для круля Августа, а не для панув поляков»⁶⁰.

Следует отметить, что автор умалчивает о событиях Освободительной войны и сообщает только лишь о ее начале: «Почавши от року 1648 козацкая война из гетманом Хмельницким — звоевали по самый Люблин». В другом месте, говоря о совместном русско-украинском походе на Польшу в 1655 г., он неприязненно отзывается о действиях его участников: «церкви руйновали и священников у церквах пекли»⁶¹. Такая неприязнь, наряду с симпатией к униатскому перемышльскому епископу А. Виницкому имеет только одно объяснение: Коростенский был униатом и не принимал борьбы против католицизма и унии, охватившей всю Украину в период Освободительной войны.

Добромильская летопись создавалась Коростенским по памяти, по всей вероятности, в 1700 г. Однако весьма точная датировка событий позволяет предполагать, что Коростенский уточнял хронологию по каким-то письменным источникам. Такие источники несомненно имелись в Добромильском монастыре, где велась значительная работа по публикации исторических произведений. Так, в типографии монастыря была опубликована хроника Я. Длугоша, «Dialog o obropie Ukrainy» (1615) В. Кицкого и другие произведения.

Из 23-х известий летописи в 14-ти, т. е. в двух третьих, повествуется о событиях военно-политических, в 7-ми — о наводнениях, неурожаях, кометах. Одно известие посвящено полужантамистическому сообщению о звере-людоеде, еще одно — о покупке Яном Бонавентурой в 1693 г. Добромильских «маетностей», т. е. событию чисто местного значения. В числе четырнадцати известий военно-политического характера лишь в двух сообщается о событиях церковной жизни.

Таким образом, С. Коростенский, как и Ф. Софонович, будучи духовными лицами, предпочитали вести изложение в светском духе. Добромильская летопись, как и «Кройника», ярко запечатлела крушение монополии церкви в области науки и культуры.

МЕЖИГОРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Эта небольшая летопись, охватывающая события 1608—1700 гг. была опубликована в 1888 г.⁶² Она входит в состав упоминавшегося выше сборника Ильи Кощаковского, в котором составляет 11-ю статью. Кстати, И. Кощаковский в 1705—1717 гг. и ранее был «уставником» Межигорского монастыря, в стенах которого в конце XVII в. до 1707 г., а скорее всего около 1700 г. создавалась летопись. Учитывая это, а также глубокий интерес Кощаковского к истории, его уже в 80-е гг. XIX в. не без оснований считали автором летописи.

Хотя автор интересуется событиями церковной жизни, в том числе историей Межигорского монастыря, на первом месте у него стоит история крестьянско-казацких восстаний 20—30-х гг. XVII в., Освободительной войны 1648—1654 гг. и события последующих лет. В ходе изучения летописи нам удалось установить основные ее источники.

Учитывая широкий охват событий в летописи (почти за 100 лет), отмечаем, что на основе собственных впечатлений, воспоминаний автором могла быть создана только завершающая часть летописи, а точнее с 1677 по 1700 гг. Использовал здесь автор и свидетельства очевидцев: См. известие о саранче 1690 г.: «...а взялася, як повідают, от востока, з моря Хвалинского, а иные повідают, же з лісов Сибірських и от Синей орды». Явно на почве слухов родилось сообщение, согласно которому царь Федор Алексеевич был отравлен⁶³.

Вторая группа известий, в основном за 1648—1672 гг. перешла в сокращенном виде в летопись из «Кройники о земли Полскої» Ф. Софоновича. Некоторое влияние труда Софоновича ощущается в известиях Межигорской летописи под 1634—1637, 1647 гг. Весьма редко в известиях Межигорской летописи, заимствованных у Софоновича, имеются несовпадающие детали. Так, с точностью до дня указывается время битв при Желтых Водах и Корсуне: соответственно 8-го и 17 мая 1648 г., в то время как у Софоновича — менее определенные указания: «в пост великий», «после Вознесения Господня» в 1648 г.; великий акт воссоединения в Межигорской летописи относится к 6. I. 1654 г., а в «Кройнике о земли Полскої» — к 5. I. 1654 г. Наконец, при описании голода в шляхетском войске, осажденном в Збараже, добавлено и «шاپки свої їдали», а при описании мора на Украине в 1652 г. добавлено: что мор был и в «Полци, и Литві»⁶⁴.

Лишь два известия этой группы, в которых рассказывается о смерти В. Лебедевича, игумена Межигорского монастыря в 1665 г. и пожаре в Межигорском монастыре 1665 г., отсутствуют в труде Софоновича. Источником этих известий, как и сообщений о посвящении на митрополию И. Борецкого, П. Могилы, смерти последнего, рытье колодцев по инициативе И. Борецкого и П. Могилы, а также пожаре в Киеве 1608 г. вероятно послужили свидетельства очевидцев, «Поменник» Межигорского монастыря, хозяйственные записи.

Если исключить охарактеризованные нами известия, то останется небольшая группа сообщений, охватывающая период с 1612 по 1645 гг. В них, за исключением сообщения о взятии Путивля в 1612 г. и землетрясении в Киеве 1619 г., речь идет о событиях крестьянско-казацких восстаний или военных походов 20—30-х гг. XVII в. и событиях, происшедших в Переяславле в 1633—1645 гг.). Как установлено нами, некоторые переяславские известия совпадают с аналогичными сообщениями Величко:

Межигорская летопись

«Року 1640 татаре были под Переяславлем, пришли от Корсуня и стацію о Воронкові, то ест хліба и всякої харчи брали».

«Року 1645 месяца июля 28 дня саранча великая ишла мимо Переяславль и очерет поїла, и березя, и овес на нивах, и иных шкод много в полю починила».

С. Величко

«Року от создания мира 7149, а рождества Христова 1640, з того боку Днєпра од Корсуна орда ишла под Переяславль и яко у Воронкові, городі полку Переяславского, так и в инних того полку городах и селах стація им дана; а на Украині гетмановал тогда комисар полскій...

Року от сотворения світа 7154, от Рождения Христова 1645, з допущения егож божественного, грїх ради наших по всей Украині била великая саранча и великую шкоду людем в пашнях учинила»⁶⁵.

Вряд ли Величко использовал Межигорскую летопись, так как ряд интересных фактов, содержащихся в ней он не упоминает. А ведь Величко постоянно жаловался на скудость источников и недостаток информации при описании событий XVII в. и если бы ему была известна Межигорская

летопись, также как и летопись Самовидца, «Кройника» Софоновича, он не преминул бы ими воспользоваться. Сходство приведенных выше известий следует объяснить использованием общего источника, в котором речь шла о переяславских событиях чисто местного значения. Таким источником была по всей вероятности Переяславская «кроничка», на которую ссылается один раз Величко. Последний, приведя в своем труде письма Сигизмунда III и Османа, указывает на источник: «Прилагается тут листовная корреспонденция короля польского з Османом, з кронічки рукописной козацкой в Переяславі Малоросійском року 1636 написаной»⁶⁶.

Из этой «кронички» в Межигорскую летопись видимо перешли и рассказы о крестьянско-казацких восстаниях и военных походах 20—30-х гг. XVII в. Об этом свидетельствуют некоторые совпадающие детали рассказа Кошаковского о восстании 1638 г. и тех дополнений Величка к дневнику С. Окольского, которые были почерпнуты в «записках кратких літописных казацких», «рукописного казацкого літописца» и др. Вероятно, в числе «казацких літописцев» находилась и переяславская хроника, известная также автору Межигорской летописи. Указание Величко на то, что Переяславская летопись была написана в 1636 г., необходимо понимать следующим образом. В 1636 г. она не была завершена, а только начала создаваться, поскольку совпадают известия даже 1640—1645 гг. Отметим также, что несохранившаяся переяславская «кроничка» охватывала как минимум события 1621—1645 гг.

Определенные провиденциалистские тенденции ее автора не были восприняты И. Кошаковским. Провиденциализм последнего, если считать Кошаковского автором Межигорской летописи, проявился лишь в известии под 1608 г.: «з допущеня божого кгром запалил замок...»⁶⁷.

И. Кошаковский, хотя и сомневался в справедливости существующего строя, занимал по ряду важных вопросов современности прогрессивные для своего времени позиции. Здесь необходимо отметить одно обстоятельство. Из всех украинских монастырей, за исключением Самарского Пустынного, Межигорский имел наиболее тесные связи с казачеством, Запорожской Сечью. Не случайно Окольский писал в свое время о помощи Межигорского монастыря повстанцам Острянина⁶⁸. Видимо отсюда столь значительный интерес Кошаковского к крестьянско-казацким восстаниям, Освободительной войне. Кошаковский последователен в своих антикатолических, антиуниатских взглядах. Так, об

униатах он отзывается как о «новых еретиках», «лжехристианах», «мерзенных униатах»⁶⁹. Ощущается неприязнь автора к польско-литовской феодальной иерархии и даже к королям. Так, Ян-Казимир, потерпев поражение под Зборовом «аж на мир стал... *волати*» (выделено нами. — Ю. М.) Я. Радзивилл в 1651 г. уходит со своими войсками из Киева «от страху козацкого... и до Білої Церкви ледво умкнул»⁷⁰.

В то же время автор положительно относится к воссоединению Украины с Россией, укреплению русско-украинских отношений. Это видно из сообщения о воссоединении Украины с Россией под 1654 г., характеристик, которые он дает русским царям Федору Алексеевичу («благочестивый... зело милостивый благодетель духовному чину и всім церквам и монастырем»), Петру I («благочестивый», «его пресветлое царское величество»), московским патриархам Иоакиму, Адриану; осуждения предательской политики гетмана И. Брюховецкого, стремления показать успешные действия русско-украинских войск против Турции в 1696 г.

Таким образом, Межигорская летопись ценна для нас и как памятник историографии, ярко запечатлевший, как «Кройника» Софоновича, компиляции Кохановского, укрепление русско-украинских связей, и как исторический источник, проясняющий сложную картину происхождения и взаимоотношений исторических трудов XVII — начала XVIII вв.

ПОДГОРЕЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Данная летопись в оригинале названа по другому: «Синопис или краткое собрание историй и созидания св. обители общежителныя Подгорецкыя, древле именуемая Плесницкыя... списася року божия 1699». Однако новое название дано весьма удачно, поскольку памятник был создан в Подгорецком монастыре (близ г. Броды в Галичине) и посвящен его истории. Летопись была впервые обнаружена, а затем опубликована А. С. Петрушевичем⁷¹. В дальнейшем она привлекает к себе внимание великого украинского писателя и поэта И. Я. Франка, который плодотворно занимаясь исследованиями в области истории, описал и опубликовал (под псевдонимом Мирон) Подгорецкую летопись в сокращенном виде⁷².

Судя по описанию И. Я. Франко летопись была помещена в составе рукописного сборника конца XVII — первой трети XVIII вв. и занимает около 60 страниц из 150 его объема. На остальной части сборника помещены различные доку-

менты, подавляющее большинство которых относится к Подгорецкому монастырю⁷³.

Автором летописи, о чем ясно говорится в ее тексте, был «иерей Василий, пресвитер церкви Успения» Подгорецкого монастыря. Весьма интересно говорит он о мотивах, побудивших его взяться за перо: «Сия все списати и в краткую собрати Синописис побудихомся не коего-либо ради тщеславия или над иния св. обители превозношения, но видяще, яко всі умираем и аки вода разливаемся, по речению разумной Текунтянини(?), всякое же писание умирати не обиче»⁷⁴. Такого рода пессимистические мотивы были весьма популярны в польской и украинской философии и литературе XVII в., во многом еще связанных с библией. См., например, сборник стихотворений И. Величковского «Зекгар» (1691 г.). Даже С. Величко, творивший уже в XVIII в. не удержался от соблазна и поместил в своем труде «Эпитафион гетману Бруховецкому» Л. Барановича, в котором проводится мысль о бренности всего земного и неизбежности смерти: «Никто не остоит, смерть, що хоче броит. Убогий, богатый, смерти дають шаты» и т. д.⁷⁵

Подгорецкая летопись была создана в 1699 г., но затем редактировалась монастырской администрацией, по всей вероятности, игуменом Парфением Ломиковским и в исправленном виде продолжалась в начале XVIII в. (до 1715 г.). Поскольку известия по истории монастыря под 1726 и 1729 гг. внесены уже другим монахом, можно полагать, что к этому времени Василий или же умер, или же покинул монастырь.

Начало Подгорецкой обители Василий относит к 1108 г. При этом он ссылается на надпись на алтаре, согласно которой некая княжна Елена, спасаясь от Батыя, укрылась в Плеснице и создала здесь монастырь. Василий с гордостью пишет о внимании к данной надписи короля Яна Собесского, посетившего монастырь в 1687 г. Однако эта надпись не внушает доверия, поскольку основана на легенде, имевшей целью максимально «удревнить» историю монастыря.

Затем автор высказывает сожаление, что о дальнейшей истории монастыря (до 1583 г.) «ниже писания, ни известкования. Обритаем повісти о сем и свидетельства старих и старожитних людей, сицевыя изображаем»⁷⁶. На основе преданий Василий сообщает о деятельности старца Зосимы и лишь с 1659 г. им ведется достаточно достоверный рассказ по истории монастыря. В этой части Василий использовал как свидетельства очевидцев, в первую очередь, старожилов монастыря, а начиная с 80-х гг. XVII в., собственные воспо-

минания и записи. Под 1708 г. Василий упоминает о своем пребывании во Львове и как очевидец описывает смерть и погребение львовского епископа Шумлянского. Чувствуется начитанность автора, хорошее знание им библии, житийной литературы. Показательно стремление Василия включить в состав летописи документы (королевские, епископские грамоты, инвентари), относящиеся к истории монастыря.

Сюжеты повествования довольно однообразны. Церковно-монастырскую жизнь, «чудеса», деятельность игуменов и т. д. Василий описывал, подражая житиям, сочинениям С. Косова, И. Галятовского, А. Радивиловского и др., которых говорилось выше.

М. И. Марченко справедливо отметил, что «идеология автора, как и всех представителей историографии и литературы эпохи средневековья, а особенно монастырских летописцев пронизана христианским провиденциализмом»⁷⁷. Собственно, сама тема (история монастыря) препятствовала развитию светских элементов. Однако провиденциализм Подгорецкой летописи выражен более отчетливо, чем даже в аналогичных произведениях (Мгарская летопись, летопись Густынского монастыря). К тому же Василий выступает и как монархист, апологет правящего класса, наполняет пиететом те известия летописи, где речь идет о польских королях, церковной верхушке. Интересно, что автор одинаково почтительно относится как к униатским, так и православным иерархам, хотя сам был униатом. Это обстоятельство не вяжется с прежними схватками на почве религиозных разногласий. М. И. Марченко правильно указал на причины данного обстоятельства. Перед лицом татаро-турецкой опасности, нависшей не только над Украиной, но и Россией, Польшей, когда укрепляется русско-польский политический и военный союз, религиозные разногласия временно отходят на второй план.

Следует отметить, что при всем своем внимании к церковной тематике, Василий уделяет внимание и светским сюжетам. Так, он говорит о борьбе с татарскими набегами, о победе польско-австрийских войск над турецкой армией под Веной в 1683 г. Василий показывает бедствия народных масс в период турецкого нашествия 70-х гг. XVII в., с возмущением пишет об авантюристической политике гетмана Правобережной Украины П. Дорошенка, союз которого с султанской Турцией дорого обошелся украинскому народу. Эти моменты позволяют считать, что автор Подгорецкой летописи не мог не остаться в стороне от прогрессивных сдвигов в

историографии XVII в. и отходит от средневековых традиций.

Труд Василия представляет собой ценность и как исторический источник, сообщая ряд подробностей о татаро-турецких набегах в 70—80-х гг. XVII в. на Правобережную Украину, Галичину. Наибольший интерес вызывает рассказ Подгорецкой летописи о миссии игумена монастыря Парфения Ломиковского в 1689 г. в Москву «до пресвітлейших великодержавнейших благочестивых царей в то время благополучно царствующих Иоанна и Петра Алексеевичов», а также царевне Софье и патриарху Иоакиму⁷⁸. Это первое в украинской историографии сообщение о связях духовенства Западной Украины с Россией.

Как и М. И. Марченко, следует разделить мнение И. Я. Франка о том, что Подгорецкая летопись является «если не очень важным, то все-таки интересным источником Прикарпатской Руси»⁷⁹.

ЛЕТОПИСЬ ГУСТЫНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Этот памятник, имеющий в оригинале название «Летописец о первом зачатии и создании... монастыря Густынского...», был опубликован еще в 1848 г. известным дворянским историком и археографом О. И. Бодянским⁸⁰. О. И. Бодянский написал также краткое предисловие и опубликовал ряд документов, касавшихся истории монастыря и помещенных в большинстве своем наряду с летописью в составе рукописного сборника. Последний содержал также Густынский список Густынской летописи, о которой речь шла выше, ряд статей, где описывались «знамения», «чудеса» и др.

Основная часть сборника была создана в 70-х гг. XVII в. Одним из создателей был упоминавшийся выше М. Лосицкий. Его почерком были написаны Густынская летопись, летопись Густынского монастыря, а также краткие дополнительные известия к последней, охватывающие события 1671—1703 гг. Документы же переписывались не только Лосицким, но и каким-то другим монахом. Вероятно, после смерти Лосицкого в 1708 г. новый переписчик внес в 1708 г. на чистые листы рукописи статью о «чудотворной» иконе Луцкого уезда. В 1765 г. в конце рукописи была помещена «Ведомость о первозачатии и строении обители», созданная на основе летописи Густынского монастыря.

Последняя, как и большинство статей сборника была создана в 70-х гг. XVII в., хотя охватывает события только 1600—1641 гг. Правда, в конце основной части летописи

имеется известие о пожаре в монастыре 1671 г. Автором памятника был по всей вероятности М. Лосицкий. В числе использованных им источников были несомненно грамоты, универсалы, полученные Густынским, а также Мгарским, Ладинским монастырями от князей Вишневецких, гетманов, киевского митрополита Исаяи Копинского, который был покровителем указанных монастырей и одно время даже игуменствовал в Густынском. Кроме того, опирался Лосицкий и на монастырские предания, свидетельства очевидцев, а при дополнении летописи — описанием событий 1671—1703 гг., собственные воспоминания.

Основная тема произведения — история Густынского монастыря, хотя приводятся сведения и о родственных ему Мгарском и Ладинском. Если у Лосицкого и говорится о землетрясениях, пожарах, смерти прилуцкого полковника Лазаря Горленка, то только лишь потому, что это имело какое-то отношение к истории монастыря. Отсюда сходство памятника с житиями, патериками, религиозно-философскими сочинениями, чего и добивался, собственно, Лосицкий. Автор был убежденным провиденциалистом, почти все события, происходившие в монастыре, объясняет вмешательством бога или же, что более редко, даже сатаны. Лосицкий тяготеет к описанию «чудес», якобы происходивших в монастыре, приводит аналогии из евангелия, использует выражения, характеристики и т. д., характерные для церковной литературы. Летопись Густынского монастыря написана на церковнославянском языке и лишь изредка можно встретить слово из народной речи («хмизина», «туга»), иногда перелицованное на церковнославянский лад (вместо «реготався» — «реготаху»). Будучи историографом монастыря Лосицкий излагает его историю по правлениям игуменов. При этом он всячески идеализирует их деятельность, особенно восхваляя И. Копинского. Последний был представителем высших церковных слоев, крупным феодалом, нещадно эксплуатировал монастырских крепостных крестьян. Об этом, например, свидетельствует грамота Копинского от 11/VII-1628 г., данная монахам Ладинского монастыря «Постановене подданым, як маю панщину робити...»⁸¹. Указанный документ был помещен в сборнике, содержащем летопись Густынского монастыря.

Создавая историко-религиозное произведение Лосицкий предпринимает довольно удачную попытку увязать историю монастыря с борьбой против католической экспансии. Так, автор наиболее подробно в украинском летописании ХУІ—

XVIII вв. рассказывает о миссии патриарха Феофана. Сообщает Лосицкий и о борьбе между различными группировками киевского духовенства, причем приводит здесь и в других случаях ряд интересных и оригинальных известий. В их числе отметим, важные сведения о бегстве в Россию, в Путивль многих монахов Густынского и Ладинского монастырей во главе с игуменами Василием и Мефодием, которые таким образом в период крестьянско-казацкого восстания 1638 г. спаслись от шляхетских карателей. Ниже говорится о попытке католических монахов овладеть опустевшим монастырем и отражении этой попытки мгарцами.

Следует отметить, что летопись имеет и определенную литературную ценность. М. Лосицкий придавал большое значение композиции произведения, стилю изложения, заботился о «читабельности» своего труда. В летописи находим не только традиционные сравнения, образы, но и оригинальные. Так, осуждая ряд монахов за трусость, Лосицкий писал: «не бе страха, но яко трость от ветру неверием и малодушием возшумеша и восколебахуся, яки пианыи и без рассмотрения воскоре вдашася пути бегства»⁸².

Таким образом, летопись Густынского монастыря является одной из наиболее важных летописей XVI—XVIII вв., посвященных истории монастырей.

МГАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Такого рода памятником, как и летопись Густынского монастыря, является Мгарская летопись. Последняя была обнаружена вместе с перечнем каменных церковных строений на Украине XVII в. Отрывки из нее, а также ряд документов, помещенных в рукописи, были опубликованы в 1891 г.⁸³ Памятник представляет собой не столько летопись, сколько рыхлый свод разнородных сведений, документов, касающихся истории монастыря и охватывающих период с 1668 по 1775 гг. Часть, содержащая сведения о более раннем времени (монастырь основан в 1619 г.), не сохранилась.

Мгарская летопись составлялась и в XVII, и в XVIII вв., причем, что особенно интересно, не только монахами. Так, под 1745 г. находим имя одного из продолжателей хроники: «Копиист полковой лубенской канцелярии, сын козака сотні Глинской, жителя городского глинского, Стефана Галичина, Гаврило Галичин»⁸⁴. Его перу по всей вероятности, принадлежит та часть летописи, которая охватывает события 1728—1745 гг. Первоначальное же ядро летописи было составлено в 90-х гг. XVII в. — 1705 г., о чем свидетельствует,

например, обширный рассказ «Исписание вкратце о сожжении трапезы и о создании паки ее, еще повествующа 1695 год»⁸⁵.

Мгарская летопись освещает историю монастыря, касается деятельности некоторых высших православных иерархов, например, И. Нелюбовича-Тукальского. Памятник, как и введение к «Поменнику» Межигорского монастыря («О обновлении запустелого Межигорского монастыря»), составленное игуменом Афанасием в 1599—1612 гг., Подгорецкая летопись, летопись Густынского монастыря, а также созданные в XVIII в. «Кроничка Мотронинского монастыря», Сатановская летопись, обнаруженные нами летопись Загоровского монастыря (второй половины XVIII в.), «Записки, касающиеся Киево-Печерской лавры»⁸⁶ (1772 г.), представляют собой остатки некогда многочисленных сочинений по истории украинских монастырей. Хотя такого рода памятники приходят в упадок уже в XVII в., без их привлечения нельзя получить полное представление о путях развития исторической мысли.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

«Літописец, що ся в руских і полских сторонах діяло и якого року» более известен под названием Черниговской летописи. Происхождение памятника тесно связано с Черниговым, здесь же были созданы его списки и редакции. Одна (1-я) редакция памятника была впервые опубликована еще в 1856 г.⁸⁷ Вторая редакция, представленная списком Персидского, была опубликована А. И. Лазаревским⁸⁸. В списке Персидского летопись охватывает события 1587—1725 гг. Новый список второй редакции, охватывающий события 1497—1764 гг., был обнаружен нами в 1972 г.⁸⁹ Два последних списка входят в состав идентичных сборников исторического содержания и являются там пятой по счету статьей. Отметим, что обнаруженный нами список (киевский) является наиболее исправным.

Черниговская летопись имеет довольно сложный состав, на что указывал еще Н. Белозерский, выделяя три этапа в его создании: 1) Часть, охватывающая события 1587 — конца XVII в., которая была создана в Киеве или на Правобережной Украине; 2) часть, охватывающая 1692—1703 гг., созданная в Чернигове; 3) часть, охватывающая 1729—1750 гг., созданная там же, но другим лицом⁹⁰.

Проведенный нами анализ с привлечением Киевского списка, других произведений украинской историографии

XVII—XVII вв. дает иную картину происхождения памятника. Прежде всего отметим, что обе редакции имеют общую часть до 1704 г. Несомненно, что эта основная часть и составила ядро памятника, который дополнялся в дальнейшем различными лицами. Создатель первой редакции дополнил основную часть известиями за 1729—1750 гг. Независимо от него создатель второй редакции дополнял памятник известиями за 1704—1725 гг., а возможно и 1726—1764 гг. Если дополнения в 1-й редакции представляют собой мелкие и малозначащие заметки сугубо местного характера, то во 2-й редакции они представляют собой обширное и яркое свидетельство современника в духе летописи Самовидца. Киевский список сохранил между прочим и имя создателя 2-й редакции. На полях, против описания событий 1687 г., имеется запись: «Сего ж году рождение мое, Ивана Янушкевича»⁹¹. Иван Янушкевич (Янович, Яновский) был представителем казацкой старшины, черниговским судебным писарем. Таким образом А. Лазаревский был близок к истине, полагая, что автор дополнений был канцеляристом, как и Н. Ханенко, П. Ладинский⁹². И. Янушкевич был близок к Полуботку, его подпись, вместе с подписями других представителей казацкой старшины, в том числе и Г. Грабянко, стоит под Коломацкими статьями. Здесь он подписался не только за себя, но и за неграмотных старшин черниговского полка. В дальнейшем судьба И. Янушкевича была вероятно сходной с судьбой Г. Грабянко. Упоминание о нем находим лишь под 28/I-1732 г. в дневнике Я. Марковича: «Холодович, сотник воронежский, повернулся за Москви и з ним Янушкевич, писар бивший черниговский»⁹³.

Анализ части Черниговской летописи, написанной И. Янушкевичем, выходит за рамки настоящей работы. Поэтому отметим лишь одно обстоятельство. И. Янушкевич не только был автором дополнений, охватывающих события 1704—1764 гг., но и расширил ядро памятника известиями под 1497 г., 1507 (1577), 1587, 1611 (о монашестве «царя Федора»), 1614, 1615 г., почерпнутыми из «кроники» П. Полуботка^{93а}. Указанные дополнения отсутствуют в списках 1-й редакции. Использование записей П. Полуботка и при изложении событий 1711—1715 гг. и некоторых других позволяют считать, что Янушкевич создавал летопись с 1717 г. Некоторые неувязки в известиях о судьбе С. Палия позволяют предположить, что Янушкевич использовал также свои или чужие дневниковые записи 1708 г.

Что касается основной части памятника, то она была создана не двумя лицами, как полагал Н. Белозерский, а, как нам представляется, одним. Дело в том, что большая часть известий летописи с начала по 1672 г. списана из «Кройники о земли Полской» Софоновича. Последний творил в Киеве, его источником была в основном «Уманская» летопись, и это наложило свой отпечаток на характер известий, вызвало представление о том, что первая половина основной части памятника создавалась жителем Правобережья.

О времени создания основной части Черниговской летописи дают возможность судить замечания, среди которых нужно выделить следующее: «Того ж року (1676.—Ю. М.) Петро Дорошенко цару московскому поклонился и поїхал до Москвы зовсім на мешкане и там был в чести царской, а поживши літа многие умер на Москві»⁹⁴. Смерть Дорошенко произошла 19/XI-1698 г., следовательно, основная часть летописи не могла быть создана ранее 1699 г. Другие замечания ясно говорят, что основная часть была создана не позже октября 1708 г. Учитывая, что ядро памятника заканчивается описанием событий 1703 г., можно довольно точно определить время его создания: 1699—1704 гг.

Лазаревский был прав, когда усматривал в авторе основной части летописи черниговца, возможно известного создателя одного из списков украинского хронографа 2-й редакции Леонтия Боболинского, бывшего в то время иеромонахом черниговского Троицкого Ильинского монастыря⁹⁵. Добавим, что автор был близок к черниговскому архиепископу (с 1693 г.) Феодосию Углицкому, а его политические взгляды родственны взглядам Л. Боболинского. Однако следует иметь в виду и некоторую неувязку, т. к. Боболинский не позже 1699 г., когда начала создаваться летопись, был уже «законником» киевского Выдубицкого монастыря и переписывал там хронограф.

Источником основной части, кроме «Кройники о земли Полской» Софоновича, послужила и «Скарбница» (1676 г.) И. Галятовского, свидетельства очевидцев. Так, видимо использованием свидетельств старожилов Мгарского монастыря можно объяснить появление в Черниговской летописи ряда известий, касающихся происходивших в монастыре и в Лубнах событий (см. под 1632, 1638, 1661 гг.). Сложнее объясняется происхождение комплекса известий, охватывающих события 1605—1611, 1615—1620 гг., имевшие место на Волыни. Эти известия совпадают с аналогичными сообще-

ниями Острожского летописца, особенно его Музейной редакцией. Некоторые известия приводятся даже в несколько более полном, чем в указанном памятнике виде. Например, в Острожском летописце отсутствует следующее известие: «1611. Татаре выбрали Острожок». По всей вероятности, этот комплекс известий Черниговской летописи восходит к протографу Острожского летописца, о котором подробно говорилось выше.

В силу компилятивного характера памятника говорить о специфических чертах исторической концепции его автора довольно сложно. Можно все же отметить, тяготение автора к изображению крестьянско-казацких восстаний, событий Освободительной войны и последующих лет. Однако политические взгляды автора содержат и реакционные моменты. Так, он настроен явно полонофильски, симпатизирует Яну-Казимиру, восхваляет Яна Собесского. Историю Освободительной войны он оценивает с позиций соглашательски настроенных представителей правящего класса. Его идеалом был, например, «пан благочестивый», киевский воевода Адам Кисель. Вопреки хорошо известным историческим фактам автор утверждал, что «того казаки любили велми»⁹⁶. В своем стремлении изобразить Б. Хмельницкого верным слугой Яна-Казимира, автор доходит до крайности, его унижительное для Б. Хмельницкого описание встречи гетмана с Яном-Казимиром в 1649 г. под Зборовом является явно сфальсифицированным. Несомненным фальсификатом является и речь Б. Хмельницкого к королю. Расширяют наши представления о политических позициях автора и его оценки, данные ряду крупных деятелей того периода. Так, он симпатизирует Б. Хмельницкому, И. Сирку, Я. Сомку, патриарху Никону, неприязненно относится к И. Брюховецкому, И. Самойловичу и т. д.

Как историк, автор основной части Черниговской летописи стоит значительно ниже З. Копыстенского, Ф. Софоновича, но его труд содержит ряд ценных оригинальных известий⁹⁷, проливающих свет на ряд важных событий в истории Украины XVII в. Среди них особо нужно отметить уникальное известие об антифеодальном восстании в Лубнах в 1632 г.

Заключение

В данной работе предпринята попытка произвести краткий анализ украинских летописей. При этом освещалась история их происхождения, указаны этапы создания памят-

ников, отмечались источники, использованные хронистами XVII в. Кроме того, была дана оценка историческим взглядам хронистов, определен их вклад в историографию, прослежены взаимосвязи украинских летописей с древнерусскими, историческими произведениями русского, белорусского, литовского, польского народов.

На основании вышеизложенного можно сделать и некоторые общие выводы.

1. Рассмотренные памятники создавались в тот период, когда происходили значительные сдвиги в социально-экономической, политической и культурной жизни украинского народа. Эти сдвиги оказали серьезное воздействие на развитие исторической мысли. Вследствие этого в произведениях украинской историографии XVII в. появляются и развиваются черты, характерные для переходного периода от летописания к исторической науке в собственном смысле этого слова. Хотя украинские летописцы XVII в. восприняли традиции средневекового летописания, их исторические сочинения в большей или меньшей степени несут на себе отпечаток веяний «нового периода русской истории», подробную характеристику которому дал В. И. Ленин¹.

2. Украинские летописи XVII в. создавались в условиях обострения классовых противоречий, усиления борьбы трудящихся масс против гнета польско-литовских феодалов, а также «своих» эксплуататоров (украинская шляхта, казачья старшина, высшее и среднее православное духовенство, зажиточные мещане), экспансии татаро-турецких агрессоров. Именно потому большинство памятников украинской исторической мысли того периода несет в себе значительный публицистический заряд. Откликаясь на злободневные события, пытаясь удовлетворить интерес читателей к историческому прошлому украинского и соседних народов, прежде всего русского, хронисты вносят свой вклад в борьбу против полонизации, окатоличивания, насильственного навязывания унии, в целом против духовного порабощения украинского народа.

Особо следует отметить, что украинские авторы XVII в. осознавали общность исторических судеб восточнославянских народов. Летописи XVII в. зафиксировали усиление тенденции к воссоединению Украины с Россией, характерной для широких слоев украинского народа. Сравнивая памятники нач. XVII в. (Острожский летописец, Киевская летопись) и последней трети XVII в. («Кройника» Ф. Софоновича, «Синописис» и другие компиляции П. Кохановского)

можно легко проследить рост симпатий к братскому народу, интереса к истории России.

Украинские летописцы XVII в., которые являлись в большинстве своем выходцами из правящего класса и стояли в общем на позициях феодальной историографии, освещали историю с идеалистических позиций. Это объясняется уровнем развития производительных сил, социально-экономических отношений, состоянием исторической мысли того периода, а также классовой ограниченностью хронистов, подавляющее большинство которых принадлежало к верхушке феодального общества. К взглядам хронистов XVII в. можно вполне отнести слова Ф. Энгельса: «в основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие силы политических перемен — об этом не задумывались»².

Следует отметить, что украинские хронисты XVII в. все более отходят от провиденциалистского объяснения истории, когда побудительные причины исторического развития усматривали в деятельности божества или же сверхъестественных сил. Стремление отыскать первопричины исторического развития «на земле», а не «на небе», хотя и в политической деятельности людей, следует признать прогрессивным для XVII в.

Не только в этом, но и в ряде других отношений, хронисты XVII в. сделали шаг вперед и, несмотря на классовую ограниченность их взглядов, сумели оценить историческое прошлое своей родины и соседних народов в целом с прогрессивных для своего времени позиций. Давая оценку хронистам XVII в., их историческим и политическим взглядам, следует постоянно иметь в виду известное положение В. И. Ленина, согласно которому: «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»³.

3. Украинские летописи XVII в., несмотря на компилятивный характер большинства из них, что вообще характерно для европейской историографии XVI—XVII вв. и более раннего времени, проливают свет на многие важные события отечественной истории. Это вызвано тем, что их создатели использовали свои воспоминания, свидетельства очевид-

цев, фольклорные материалы, а также несохранившиеся до нашего времени письменные источники, в первую очередь летописи. Анализ источниковой основы украинских летописей, выявление и реконструкция несохранившихся источников позволил прояснить вопросы происхождения и авторства целого ряда памятников XVII—XVIII вв., доказать, что украинские летописи более тесно связаны друг с другом, чем до сих пор считалось. Все это дает возможность более правильно решать вопрос о достоверности сообщаемых в летописях фактов.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что украинские летописи XVII в. являются ценными историческими источниками и памятниками историографии. Следует указать на острую необходимость выявления новых памятников исторической мысли, специального их изучения наряду с уже известными летописями, а также их публикации. Все это в значительной степени позволит расширить источниковую базу исследуемых проблем исторического прошлого народов СССР, что явится важной предпосылкой их успешного разрешения.

Список сокращений

Акты ЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АЮЗР	— Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
ВИ	— Вопросы истории
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГИМ	— Государственный исторический музей СССР (Москва)
ГПБ	— Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ЗНТШ	— Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка
ЛБАН	— Львовская библиотека Академии наук УССР
НБ	— Научная библиотека им. В. Г. Короленко (Харьков)
ОР	— Отдел рукописей
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы
УІЖ	— Український історичний журнал
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)
ЦНБ АН УССР	— Центральная научная библиотека АН УССР (Киев)

Примечания

Введение

1. Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией 1654—1954 гг.). М., 1954, с. 10—11.
2. Там же, с. 6.
3. Там же, с. 10—11.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—361.
8. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961, с. 44.
9. Эти черты достаточно полно охарактеризованы в работах: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, с. 89—113; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. М., 1957, с. 113—120; Историография истории СССР. Изд. 2-е. М., 1971, с. 49; Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
10. Ключевский В. О. Соч., т. 6. М., 1959, с. 19.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
12. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. I, М., 1962, с. 7—8.
13. Тихомиров М. Н. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — «Вестник АН СССР», 1960, № 8, с. 71.
14. Существует огромная литература, посвященная изучению русских летописей. См.: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.-Л., 1962; Казакевич А. Н. Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.). — В сб.: Летописи и хроники. М., 1976, с. 294—358.
15. Необходимо в частности отметить гибель в 1708 г. гетманского архива. См.: Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов, 1971, с. 426.
16. Так, например, достоверно известно, что в период немецко-фашистской оккупации погибли летописи из собраний КЦАДА: «Заметки о войне Б. Хмельницкого», начинавшиеся с 1641 г.; «Летописец Малой России» первой половины XVII в.; некоторые летописи из отдела рукописей ЦНБ АН УССР.
17. Сушицький Т. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. 1, К., 1921; ч. 2, К., 1929; Багалій Д. І. Нарис української історіографії. Вип. 1. Київ., 1923; вип. 2, К., 1925; Петровський М. Н. Нариси з історії України XVII — початку XVIII ст. (Досліди над літописом Самовидця). Харків, 1930.
18. Марченко М. І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ., 1959.
19. См. А. Н. Казакевич. Указ. соч.
20. Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. Вид. 2. Київ, 1971; Літопис Самовидця. К., 1971.
21. Буганов В. И. Об издании русских летописей. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, с. 17.

22. Среди многочисленных работ указанных авторов необходимо выделить: Генсборский А. И. Галицко-Волинський літопис. Київ., 1958; Лихачев Д. С. Текстолюгія. М.-Л., 1962; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинської Русі. М., 1950; Улащик Н. Н. Хроніка Быховца. М., 1906; Улащик Н. Н. «Литовская и Жмоитская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского. — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Минск, 1969.

23. Мишко Д. И. Густинський літопис як історичне джерело. — «УІЖ», 1971, № 4, 69—74; А. А. Бевзо, Указ. соч.

24. Среди работ, посвященных летописным записям XVII в. следует назвать: И. П. Крипякевич. Літописи XVI—XVIII ст. в Галичині. — В сб.: Історичні джерела та їх використання, т. 1. Київ., 1964; Апанович Е. М. Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР. — В сб.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.

Глава I

1. ПСРЛ, т. II, СПб., 1843. Нам известны еще четыре списка и редакции памятника: БАН АН СССР. ОР. 24. 4. 35; 16. 2. 5; ЦНБ АН УССР, ОР. 314/541 С, 315/687 С. Последняя редакция, созданная «дяком» Киево-Печерской лавры Алексеем Германовичем, интересна также рядом его собственных небольших дополнений.

2. Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2, Киев, 1908, с. 1522. Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини. — В сб.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения, вып. 1. Днепропетровск, 1972, с. 125. Отметим, что один только факт использования автором Густинской летописи польских хроник начала XVIII в. ясно свидетельствует о невозможности создания памятника ранее 1611 г.

3. Ершов А. Коли й хто написав Густинський літопис? — «ЗНТШ», т. С, ч. II. Львів, 1930, с. 205—211.

4. Марченко М. И. Указ. соч., т. 34—35.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314.

6. Марченко М. И. Указ. соч., с. 34.

7. ЦНБ АН УССР, ОР, 315/687 С., лл. 1—30.

7а. Иконников В. С. Указ. соч., с. 1522—1525; Мышко Д. И. Указ. соч., с. 71—73.

8. Подробнее о биографии Ф. Софоновича см.: Мицик Ю. А. Феодосій Софонович—видатний представник історичної думки XVII ст. — «УІЖ», 1977, № 12, с. 113—115.

9. Вкратце списки и редакции частей «Кройники» охарактеризованы в работе: Мыцык Ю. А. «Кройника» Феодосія Софоновича как исторический источник и памятник украинской историографии XVIII века. Автореф. на соиск. учен. степени канд. исторических наук Днепропетровск, 1975, с. 10—12. Наиболее исправными списками являются: Погодинский список «Кройники о Руси». (ГПБ. ОР, собр. М. П. Погодина, № 1476) и список второй и третьей частей «Кройники», хранящийся в ЦГАДА (ф. 181, ед. хр. 93/122). В 1831 г. дворянский историк В. Н. Берх, сам того не зная, опубликовал в сокращенном виде известия за 1654—1672 гг. «Кройники о земли Полской», входящей в состав «Хронографа» П. Кохановского (В. Н. Берх, Царствование Алексея Михайловича, ч. 2. СПб., 1831. См. особую ред. «Кройники о земли Полской». ГПБ. ОР. Q. XVII. 220.

10. Подробнее об этом см.: Мицки Ю. А. «Кройника» Феодосия Софоновича в историчній літературі. — В сб.: Історіографічні дослідження в Українській РСР, вип. 6, К., 1973, с. 127—141; Мыцк Ю. А. Вопросы изучения «Кройники» Феодосия Софоновича в историографии. — В сб.: «Вопросы отечественной историографии и источниковедения», вып. 2, Днепропетровск, 1975, с. 76—93.

11. Подробнее о ней см.: Ю. А. Мыцк. «Кройника» Феодосия Софоновича как исторический источник..., с. 13; Ю. А. Мыцк. К вопросу о достоверности источников «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В сб.: «Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения», вып. 3, Днепропетровск, 1976, с. 31—38. Вообще, необходимо отметить, что на Украине XVII в. имели хождение почти исключительно те редакции южнорусского свода конца XIII в., которые были близки к Хлебниковской или же Ермолаевской редакции. Об этом свидетельствует малоизвестная редакция упомянутого свода, созданная в 1651 г. послушником Пустынно-Никольского монастыря в Киеве Марком Бундуром (ее обнаружил Я. Д. Исаевич в БАН СССР. ОР. 21. 2. 14); фрагменты «Нестора», вошедшие в состав «Патерика» И. Тризны (их исследовал В. А. Кучкин. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны. — «ТОДРЛ», т. 24, Л., 1969, с. 196—198). и нек. др.

12. Об «Уманской» летописи, которая, по нашему мнению, была общим источником и для Софоновича и Самовидца см.: Ю. А. Мыцк. «Кройника о земли Польской» Ф. Софоновича как источник по истории народно-освободительных движений XVII в. в Восточной Европе. В сб.: «Вопросы рабочего и национально-освободительного движения», вып. 1, Днепропетровск, 1974, с. 166—167. Возможно, остатком этого памятника является летописный фрагмент о событиях 1664 г. из книги М. Мовчана. Он опубликован в работе: В. Б. Антонович. Прилуцкий полковой асаул Михайло Мовчан и его записная книга. — «КС», 1885, т. XI (январь — апрель), с. 71—72. О том, что в Умани велась значительная летописная работа свидетельствуют фрагменты летописи, созданной жителями Умани и повествующей о восстании в Умани, а также в Лысянке в 1673 г. против гетмана П. Дорошенка. Этот фрагмент сохранился в составе труда С. Величко. (Летопись событий в юго-западной России в XVIII веке, т. II, К., 1855, с. 337—341).

13. См. О. И. Левицкий. Предисловие к кн.: «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам». К., 1878, с. XVI. К. Заclinський. Руські літописи і літописці XVII століття. — «Зоря», Львів, 1880, № 7, с. 96—97.

14. ГПБ. ОР. Собр. М. П. Погодина, № 1476, лл. 1 об.—2.

15. Там же, л. 75 об.; ПСРЛ, т. II, М., 1962, с. 189; М., Strykowski Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. I, Warszawa, 1846, s. 188.

16. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, лл. 88 об. — 89; Акты ЮЗР, т. X. СПб., 1878, с. 729.

17. ГПБ. ОР. Ф. IV. 214, л. 480 об.

18. ЦНБ АН УССР, ОР, 107 М/57.

19. И. П. Еремич. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — «ТОДРЛ», т. X, М.-Л., 1954, с. 212—222; С. Л. Пештич. «Синописис» как историческое произведение. — «ТОДРЛ»,

- т. XV, М.-Л., 1958, с. 284—298; М. И. Марченко. Указ. соч., с. 56—63; А. Н. Робинсон. Указ. соч.; Е. В. Чистякова. «Синописис», — «ВИ», 1974, № 1, с. 215—219.
20. Иконников В. С. Указ. соч., с. 1547 (использовал сведения С. Т. Голубева); С. И. Маслов. Этюди з історії стародруків. XI—XIII. К., 1928; С. Л. Пештич. «Синописис»...; В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.-Л., 1962, с. 31—55.
21. А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. — «Русский исторический журнал», Пд., 1920, № 6, с. 18.
22. См.: Ю. А. Мыцкык. Влияние «Кройники» Феодосия Софоновича на киевский «Синописис». — В сб.: «Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения». Днепропетровск, 1972, с. 129—136.
23. С. Л. Пештич. «Синописис»..., с. 296; М. И. Марченко. Указ. соч., с. 60. См. также И. П. Еремин. Указ. соч., с. 215—218.
24. И. П. Еремин. Указ. соч., с. 215.
25. Кстати, идея сплочения славянских или христианских народов перед лицом агрессии мусульманских Крыма и Турции была весьма популярна в литературе и публицистике славян. На Украине, например, ее горячими поборниками были Л. Баранович, И. Галятовский. Крупнейший польский поэт и историк XVII в. В. Коховский, приложивший немало усилий, чтобы очернить Освободительную войну украинского народа, тем не менее в 70-х гг. XVII в. воспекает подвиги кошевого атамана И. Сирка, совершившего удачный поход в Крым. См. Напр. стихотворение «Wedzidlo» (Kochowski W. Psalmodyja polska oraz wybór liryków i fraszek. Kraków, 1926, s. 299—300.).
26. М. И. Марченко. Указ. соч., с. 60—61.
27. См. Е. В. Чистякова. Указ. соч., с. 216—217.
28. ГПБ. ОР. Ф. IV. 214; Ф. IV. 215.
29. ЦГАДА, ф. 229, оп. 4 (1684—1685 гг.), ед. хр. 89, л. 411.
30. К. Ф. Калайдович. П. М. Строев. Обстоятельное описание славянорусских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825, с. 84—87.
31. См. А. Н. Насонов. О Тверском летописном материале в рукописях XVIII века. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, с. 26—28.
32. Эти ссылки были опущены Софоновичем или Кохановским при редактировании ими предисловия. Кем-то из них «Повість» была дополнена небольшим известием из «Кройники о земли Полской», в котором численность турецкой армии в период Хотинской войны 1621 г. определялась в 900 000 человек, хотя как известно она составляла 250—300 000 человек. См. ГПБ. ОР, Ф. IV. 215, л. 233, 33 об. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, л. 75 об.
33. Акты ЮЗР, т. V, Слб., 1867, с. 71—72; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI, т. 11. М., 1961, с. 252. Акты ЮЗР, т. VI, Слб., 1876, с. 86; ГБЛ. Отдел редкой книги, 4°. Руно орошенное. Чернигов, 1689.
34. БАН СССР. ОР. 4. 7. 25. Краткое описание сборника содержится в кн.: Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, 1. Рукописи, т. 3, вып. 1. Л., 1930, с. 19—20.
35. БАН СССР. ОР, ч. 7. 25, лл. 403, 426, 425 об.
36. Там же, лл. 410 об.—411.

37. Там же, лл. 426 об.

38. Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. I—II. М., 1866—1869; Максимович М. А. Сказание о князьях Острожских. — «Собрание сочинений», т. I. Киев, 1876; Науменко В. Н. Хронографы южнорусской редакции. — «ЖМНП», 1885, № 5; ПСРЛ, т. XXXII. М., 1975; Улащик Н. Н. «Литовская...»

39. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.-Л., 1938, с. 139; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 44, 191. О. В. Творогов называет данную редакцию хронографа «западнорусской». Она была опубликована в ПСРЛ, т. XXII, ч. 2. Стб., 1911. В 1977 г. нами был обнаружен новый список этого хронографа, хранящийся в Отделе рукописей и редкой книги научной библиотеки им. В. Г. Короленко (Харьков). Шифр: № 819 923. Известен также аналогичный хронограф, хранящийся в БАН СССР. Шифр: 4. 7. 25, лл. 1—361.

40. Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854, с. 274—300. Эти фрагменты были вырваны из рукописи Самчевским и в дальнейшем погибли с другими рукописями Черниговской духовной семинарии. Остальная часть рукописи в настоящее время находится в Кракове в библиотеке ПАН. См.: Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Ч. I. М., 1976, с. 155—160.

41. ПСРЛ, т. 32. М., 1975; Н. Н. Улащик. «Литовская...», с. 357—365.

42. ЦНБ АН УССР, ОР, I, 171. Нами обнаружен также фрагмент польской части хронографа, хранящийся в ГПБ. ОР, собрание Ф. А. Толстова № 192. Известен также список памятника из ЦГАДА (ф. 196, ед. хр. 1638), не привлекавшийся Н. Н. Улащиком.

43. Ковальский Н. П. Указ. соч., с. 125; А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 297.

44. ЦНБ АН УССР, ОР, I, 171, лл. 591 об. (613 об.).

45. ЦГАДА, ф. 196, ед. хр. 1638, л. 327.

46. ЦНБ АН УССР, ОР, I, 171, лл. 452, 455 об., 449 об. — 450.

47. Там же, л. 489 об.

Глава II

1. ЛБАН, ОР, ф. Оссолинских, № 2168.

2. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. К., 1888. В предисловии к книге дано обстоятельное описание сборников, содержащих так называемую Киевскую летопись. Нами была обнаружена копия XIX в. 3—5 фрагментов Киевской летописи. (ЦНБ АН УССР. ОР, I, 7963). Отметим, что некоторые известия, например, под 1603, 1604 г. были пропущены В. Б. Антоновичем. Публикацию Антоновича дополняет текст Киевской летописи и некоторых других материалов сборника И. Кошаковского, напечатанный А. С. Петрушевичем. Дополнения ко Сводной Галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год. Львов, 1891.

3. Сборник летописей..., с. 80—81.

4. Антонович В. Б. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. — «КС», 1882, т. III, (июль—сентябрь), с. 97—105. Текст этого рассказа был опубликован также А. С. Петрушевичем (Дополнения..., с. 898—903).

5. Сборник летописей..., с. 77; См.: Михайлина П. В. Визвольна боротьба трудового населення міст України (1569—1654 pp.). Київ, 1976, с. 79.

6—7. Там же, с. 81—84. Отметим, что на «Триоди постной» нач. XVI в. имеется приписка, согласно которой данная рукопись была «преправлена» в 1608 г. иереем Кириллом Ивановичем, служителем церкви Богородицы соборной в Киеве. (А. С. Петрушевич. Дополнения, с. 903).

8. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, с. 236—253. Эта Музейная редакция входит в состав сборника исторического содержания, созданного не ранее 1690 г. и хранящегося в отделе рукописей ГИМ под шифром: Муз. собрание, № 4007.

9. Бевзо А. А. Указ. соч.

10. Розанов С. Кройника 1636 року. — «Український науковий збірник», вип. 1. М., 1915, с. 21—29. Эта редакция хранится в составе рукописного сборника, составленного или переписанного в 1636 г. (ГБЛ, ОР, собр. Тихонравова, № 408). Она занимает там лл. 336—339. Весь сборник писан одним почерком. В конце сборника имеется приписка: «Раб божий Змитро (Дмитро. — Ю. М.) зописал своєю власною (рукою. — Ю. М.) кройники року 1636, місяця априля, дня 13».

Змитро, по достоверному предположению С. Розанова, был переписчиком, а не автором летописца.

11. Научная библиотека им. В. Г. Короленко (Харьков). Отдел рукописей и редкой книги, № 819 923, с. 591—602.

12. ЛБАН (Львов). ОР, шифр: МВ — 16. Сборник вкратце описан в кн.: Я. Гординський. Рукописи бібліотеки монастиря св. Онуфрія ЧСВВ у Львові., вип. 1. Жовква, 1927, с. 271—272.

13. Крижаповський А. Руська «Кройника» з XVII в. — «ЗНТШ», т. 62. Львів, 1904. Крипякевич І. П. Літописи..., с. 67—69. Впервые данные «Креховский кройники» были использованы А. С. Петрушевичем. (Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год. Львов, 1874).

14. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги, № 819 923, л. 592 об.; Бевзо А. А. Указ соч., с. 126. M. Bielski. Kronika Polska. Sanok, 1856, s. 1041.

15. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 130, 132.

16. Исаевич Я. Д. Новые материалы об украинских и белорусских книгопечатниках первой половины XVII в. — В сб.: «Книга. Исследования и материалы». М., 1977, с. 151.

17. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги. № 819 923, л. 597; Розанов С. Указ. соч., с. 26; Бевзо А. А. Указ. соч., с. 130.

18. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 131.

19. Розанов С. Указ. соч., с. 21.

20. Сборник летописей..., с. 75, 77; Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги. № 819 923, с. 594, 597; Розанов С. Указ. соч., с. 24, 26; Бевзо А. А. Указ. соч., с. 127, 130.

21—22. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги. № 819 923, с. 597. Розанов С. Указ. соч., с. 26; Бевзо А. А. Указ. соч., с. 130.

23. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги. № 819 923, с. 576; Розанов С. Указ. соч., с. 25; Бевзо А. А. Указ. соч., с. 128; Бельский М. Указ. соч., т. II, с. 1015.

24. ЦНБ АН УССР. ОР. VIII, 206 М/27, лл. 162—182. В состав этого сборника входит и единственный список «Перестороги», знаменитого памятника полемической литературы конца XVI — начала XVII в.

25. Подробные сведения об изданиях памятника содержатся в работах: Иконников В. С. Указ. соч., с. 1530—1531; Бевзо А. А. Указ. соч., с. 163. Бевзо А. А. упоминает и о рукописных копиях памятника, снятых в XIX в. исследователями с оригинала. Отметим, что одну из них, изготовленную Я. Головацким и направленную Д. И. Зубрицким. М. П. Погодину (по ней летопись была опубликована в 1839 г.) нам удалось обнаружить в БАН СССР. ОР. 45. 8. 293.

26. Исключение представляет К. Заклинский, достаточно подробно рассмотревший взгляды автора Львовской летописи. См.: Заклинский К. Указ. соч., № 9, 11, 14, 16—18, 23.

27. Подробно об этом см. А. А. Бевзо. Указ. соч., с. 14—15.

28. Исаевич Я. Указ. соч., с. 153.

29. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 104—105, 117.

30. Там же, с. 100. См. I. П. Крип'якевич. Львівська Русь в першій половині XVI в. — «ЗНТШ», т. 25. Львів, 1907, с. 37—38.

31—32. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 102, 11, 116, 119. В библиотеке Ставропигийского братства находились тогда важные исторические источники. Судя по краткому ее описанию 1601 г., в ней хранились итальянские, византийские хроники, а также некая «кроничка малая руская». (См.: С. Т. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. I. К., 1883, с. 169—170).

33. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 18—19; Марченко М. И. Указ. соч., с. 51.

34. Крип'якевич I. Львівська..., с. 37—38.

35. Крип'якевич I. П. Літописи..., с. 69.

36. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 102, 130; Сборник летописей..., с. 77; Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги, № 819 923, с. 597; Розанов С. Указ. соч., с. 27.

37—38. Марченко М. И. Указ. соч., с. 52.

39. Бевзо А. А. Указ. соч., с. 110.

40. Летопись Самовидца по новооткрытым опискам. К., 1878, с. 77—81.

41. Марченко М. И. Указ. соч., с. 50—51.

42. Летопись Самовидца..., с. 81.

43. Там же, с. 78.

44. Там же, с. 81.

45. Там же, с. 81.

46. Там же, с. 80.

47. Текст исторического сочинения итальянского купца опубликован: Бонаккорсо Питти Хроника. Л., 1972.

48. ПБЛ. ОР, ф. 37, ед. хр. 23, лл. 16 об. — 18. Сборник, в котором помещена «На герб...», был кратко описан в кн.: П. Г. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. московском Румянцевском музее. Пг., 1915, с. 45.

49. Голубев С. Т. Описание и истолкование двух гербов южно-русских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. — «Труды Киевской духовной академии», 1872, октябрь, с. 295.

50. Там же, с. 295—382.

51. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги, № 819 071. К Транквилион-Ставровецкий, став униатом, посвятил свою книгу «Перло многоценное» (Чернигов, 1646) князю С.-К. Корецкому. Не исключено, что именно он был автором «На герб».

52. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895, s. 172; Викторовский П. Г. Западнорусские дворянские фамилии, отпавшие от православия в конце XVI и в XVII в., вып. 1. К., 1912, с. 192.

53. Kronika Polska Marcina Kromera. Sanok, 1857, s. 128; Стрыйковский М. Указ. соч., т. I, с. 72—74, 76. Подробный анализ этой

легенды дан в работе: Zachara-Wawrzyńczyk M. Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu litwinów. — «Zeszyty historyczne», 1963, t. VII, s. 26—31.

54. ГБЛ. ОР, ф. 37. ед. хр. 23, л. 17—17 об.; М. Стрыйковский. Указ. соч., т. 1, с. 249, 329—330.

55. Иконников В. С. Указ. соч., с. 1529. Заметки П. Могилы были опубликованы в «АЮЗР», ч. 1, т. VII. К., 1887, с. 49—132.

56. АЮЗР, ч. I, т. VII. К., 1887, с. 49, 90, 121.

57—58. Сборник летописей..., с. 239—240. Данная летопись хранится: ЛБАН. ОР. Ф. Оссолинских, № 2166. Извлечения из Добромильской летописи были опубликованы еще А. С. Петрушевичем (Сводная..., с. 109, 115, 123, 177 и др.). Отметим, что известия Добромильской летописи за 1672—1700 гг., кое в чем близки «Тысьменичанским записям», составленным около 1738 г. Михаилом Лысецким. Лысецкий использовал также сборник И. Кошаковского, откуда выписал известие о смерти князя Острожского под 1608 г.

59. Сборник летописей..., с. 239.

60. Там же, с. 240.

61. Там же, с. 239.

62. Там же, с. 95—99. Кроме того, Межигорская летопись в несколько более полном виде, наряду с другими материалами сборника Кошаковского, была опубликована А. С. Петрушевичем в 1891 г. (Дополнения..., с. 357—896).

63. Сборник летописей..., с. 99.

64. Там же, с. 97—98. ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 93/122, лл. 80—80 об., 83, 88. Некоторое влияние этой части труда Софоновича ощущается при описании событий 1634—1637, 1647 гг.

65. Сборник летописей..., с. 96; С. Величко. Указ. соч., т. IV, К., 1864, с. 295. Ссылки С. Величко на «казацкие летописцы», дополняющие дневник Окольского помещены в том же томе (с. 200, 202, 205, 262—264; 290, 293).

66. Величко С. Указ. соч., т. 2, с. 131.

67. Сборник летописей..., с. 95.

68. См.: С. Величко, Указ. соч., т. 4, с. 195.

69. Сборник летописей..., с. 97.

70. Там же, с. 98.

71. А. С. Петрушевич. Сводная..., с. 135—138, 148—149, и др.

72. Мирон. Летопись Подгорецкого монастыря. — «КС», 1890, июль с. 8—121.

73. Там же, с. 121—122.

74. Там же, с. 128.

75. См.: Величковський І. Твори. К., 1972, с. 64—65; Величко С. Указ. соч., т. II, К., 1851, с. 163. См. Копию «Эпитафияна» 1887 г., снятую П. Житецким. (ЦНБ АН УССР. ОР, I, 47138).
76. Мирон. Указ. соч., с. 126—127, 128. Кстати, известны и другие варианты легенды о Батые и строительной деятельности Елены, но касающиеся иных пунктов. См.: записки Григория Гаванского 1737—1791 гг., о которых упоминает И. П. Крипякевич. (Літописи..., с. 76). Эту легенду рассмотрел А. С. Петрушевич. (Сводная..., с. 320—322, 572—573).
77. Марченко М. И. Указ. соч., с. 54.
78. Мирон. Указ. соч., с. 217. Документы, касающиеся миссии Ломиковского в Москву, были опубликованы А. С. Петрушевичем. (Дополнения..., с. 684—692).
79. Мирон. Указ. соч., с. 122.
80. ЦОИДР, 1848, кн. VIII, с. 1—39. На стр. 39—76 были помещены документы по истории монастыря и др. материалы.
81. Там же, с. 57.
82. Там же, с. 29.
83. Лазаревский А. Отрывки из летописи Мгарского монастыря. — «КС», 1891, март, с. 53—76; Перечень строений и некоторые др. материалы были опубликованы также А. Лазаревским. («КС», 1889, № 4—6, апрель — июнь).
84. Лазаревский А. Отрывки..., с. 74.
85. Там же, с. 66.
86. Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги, № 819 046; ЦНБ АН УССР, ОР, П. 390/194.
87. Южнорусские летописи, изданные Н. Белозерским, вып. 1. К., 1856. Один список (Н. Белозерского) был дефектным и обрывался на событиях 1652 г. Второй (Авксентия) охватывал события 1587—1750 гг.
88. Лазаревский А. Черниговская летопись по новому списку (1587—1725) «КС», 1890, апрель, с. 70—104.
89. ЦНБ АН УССР, ОР, VIII, 147 М/56.
90. Южнорусские летописи..., с. 5—6.
91. ЦНБ АН УССР, ОР, VIII, 147 М/56, с. 76.
92. Лазаревский А. Новый список..., с. 73.
93. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича, ч. III — «КС», 1895, октябрь, с. 166.
- 93а. ЦНБ АН УССР. ОР. VIII, 147 М/56, с. 59, 60; Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717—1776 гг.), ч. I. К., 1893, с. 1.
94. Лазаревский А. Новый список..., с. 87.
95. Там же, с. 71—72.
96. Там же, с. 79.
97. Некоторые из них были отмечены В. С. Иконниковым. (Указ. соч., с. 1570—1571).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 111.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

ДВЕ ЗАПИСИ ЛЕТОПИСНОГО ХАРАКТЕРА СЕРЕДИНЫ — ВТОРОЙ ПОЛ. XVIII В.¹

«Року божого 1648-го почалася война поляков с козаками. На Жовтой Воді козаки ис татари зедночили. И розбили коміра (комісара — Ю. М.) и Потоцкого и отдали их до татар в неволю и при них и иных панов немало.

Татаре
брали

Тогож року збили козаки ляцкий обоз под Корсунем и поймали гетмана Потоцкого короного и другого Калиновского стято полно-го, и Синявского поймали живцем. Але ся викупив зараз. А гетмана Потоцкого выкуплено року 1650-го. Тогож року 1650-го розказал

¹ Научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел рукописей и редкой книги, № 819 923, л. 12 об. Тексты публикуются по правилам, в соответствии с которыми была опубликована летопись Самовидца. См. «Летопись Самовидца». К., 1971, с. 40—42. Отметим, что авторы записей проживали на Правобережье. Ими были допущены некоторые фактические погрешности. Так, Калиновский не погиб под Корсунем, а был взят в плен; Б. Хмельницкий не был инициатором грабительских действий татар. При заключении Зборовского мира хан добился разрешения на захват ясыря от короля.

Березную
взято

Пилявская
война

Хмельницкий татаром, абы брали людей, о свете(?) не дбали. И брали коло Паволочи и в Паволочи, и до Костаннова (Константинова. — Ю. М.) Старого сягли и много людей в неволю погнали. И Березную местечко все взяли и испалили. И тилко жона сам-о-детя сховалася в ліоху, а дитину свою зарубала, абы не кричала. А кошем стояли татаре и ясир на Телячом броду. Тогож року под Пилявою была война, козаки с татары на ляхов. И побрали ляхов барзе много. И здобич всякую взяли».

«Року божого 1674. Турки Ладыжин и Уман взяли*. До Чигрина пришли и не достали. Потом на другой рок Каплан-баша зрадою взял Чигрин. Легло козаков на тот час тысячей седмдесят и турков ** легло сто тысячей и болше над то».

* Одно слово написано неразборчиво, а слова «в року» зачеркнуты автором записи.

** Здесь помещено зачеркнутое автором записи слово «болеи».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Исторические произведения обобщающего характера	12
§ 1. Обобщающие произведения по отечественной истории	12
Густынская летопись	12
«Кройника» Феодосия Софоновича	16
«Летописец albo кройника о земли Полской»	21
«Синописис», «Хронограф, глаголемый летописец русский», «Обширный Синописис русский» Пантелеймона Коханов- ского	21
Повість, ведлуг нікотрых мудрых людей, откуль початок свой и назвиско взяли козаки	28
Летопись Яна Бивилского	29
§ 2. Обобщающие произведения по всемирной истории	31
Украинский хронограф XVII века	31
Глава II. Местные летописи	35
Киевская летопись	35
Острожский летописец	39
Львовская летопись	46
Хмельницкая летопись	51
Замостский летописец	53
«На герб ясневелможных княжат Корецких»	55
Летописные заметки Петра Могилы	57
Добромильская летопись	58
Межигорская летопись	60
Подгорещкая летопись	63
Летопись Густынского монастыря	66
Мгарская летопись	68
Черниговская летопись	69
Заключение	72
Список сокращений	75
Примечания	76
Приложение	85

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ МЫЦЫК

Украинские летописи XVII века

Учебное пособие

Редактор Н. Г. Лемешко

Техредактор Г. В. Ляпченко

Корректор З. В. Иванова

БТ 62391. Подписано к печати 14. VII-78 г. Бумага 60×84¹/₁₆.
Объем 4,5 уч.-изд. л. Заказ № 528. Тираж 1100 экз. Цена 59 к.

Редакционно-издательский отдел ДГУ, г. Днепропетровск,
пр. Гагарина, 72, тел. 3-28-70.
Типография ДГУ, г. Днепропетровск, ул. Генерала Пушкина, 4.

